

Игорь Пащенко

*Сказки
старого
Таганрога*

Игорь Пащенко
Сказки старого Таганрога

«Издательские решения»

Пащенко И.

Сказки старого Таганрога / И. Пащенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831387-5

Книга «Сказки старого Таганрога» — это первая попытка собрать мифы и легенды Таганрога, история которого разменяла уже три столетия. В былях-небылях неразрывно сплелись рассказы о реальных людях, запечатленные в переломные моменты жизненного пути, исторические факты, сплавленные с художественным вымыслом, что создает ощущение близости с нашими далекими предками. Книга привлечет читателей занимательным изложением, стилевым многообразием, созвучным каждой эпохе.

ISBN 978-5-44-831387-5

© Пащенко И.
© Издательские решения

Содержание

Троицкая крепость	6
Как царь Пётр засеял клад	10
Полуротный, 16	12
Арестант и мичманова дочка	14
ул. Фрунзе, 58-а	17
Забытый ангел	18
ул. Чехова, 69	21
Баденвейлер	22
Зеркало	23
Улица Шмидта	27
Дом Кудриных	28
Выстрел	30
ул. Шмидта, 17	33
Два гусара	36
Греческая улица	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сказки старого Таганрога

Игорь Пащенко

© Игорь Пащенко, 2016

ISBN 978-5-4483-1387-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга «Сказки старого Таганрога» – это первая попытка собрать мифы и легенды Таганрога, история которого разменяла уже три столетия. В былях-небылях неразрывно сплелись рассказы о реальных людях, запечатленные в переломные моменты жизненного пути, исторические факты, сплавленные с художественным вымыслом, что создает ощущение близости с нашими далекими предками. Книга привлечет читателей занимательным изложением, стильным многообразием, созвучным каждой эпохе.

Троицкая крепость

Пожалуй, нет других городов в России, кроме Таганрога, родившегося волею Петра Великого на Таганьем мысу в Азовском море, да его младшего балтийского брата Санкт-Петербурга, так накрепко связанных с бурной историей века XVIII-го, его завораживающими взлетами и безудержными падениями.

26 июля 1696 года, уже через несколько дней после взятия Азова, царь Петр I, прихватив с собой воеводу Алексея Семеновича Шеина и генерала Патрика Гордона, отправился подбирать место для будущей крепости и гавани, дабы укрепиться на отвоеванных у Оттоманской Порты приазовских землях. Царю сразу же глянулся Миусский полуостров с его Таганьим мысом-рогом, и он 12 ноября 1696 года назначил думного дворянина, члена Боярской думы Ивана Елисеевича Цыклера руководить строительством новой крепости. Но вскоре тот, как участник заговора против царя, был смещен и отправлен на казнь. Тогда в марте 1697 года в Таганрог направляется думный дьяк Иван Иванович Щепин с той же задачей. А общее техническое руководство восстановлением Азова и строительством новых укреплений по всем правилам фортификационного искусства поручается инженеру Антонию де Лавалю, австрийцу на российской службе. Но де Лаваль заложил первый шанец небольшое земляное фортификационное сооружение) во имя святого Павла, у Петрушиной косы (в семи километрах западнее нынешнего Таганрога), а не на самом мысе, как приглянулось царю Петру. Еще год спустя крепость Павловскую построят, но уже на новом месте, в устье Миуса (ее земляные валы и сейчас можно видеть у села Гаевка). Ее воеводой станет И. И. Щепин. Но Пушкарский приказ, рассмотрев несколько вариантов для строительства основной крепости, возвращается к первоначальному замыслу царя – строительству крепости и гавани на Таганьем мысу. Подтвердил правильность этого выбора и специально присланный морской капитан итальянец Матвей Симонт, лично промеривший море и Миусский лиман.

Что же касается де Лавалья, то жестокий и надменный, измучивший войска работами и придирами, он будет в следующем году арестован по подозрению в измене и доставлен в Москву для следствия. Следы его после этого теряются. 12 сентября 1698 года Пушкарский приказ постановил: «Пристань морского каравана судам по осмотру и чертежу, каков прислан за рукою итальянской земли капитана Матвея Симунта, быть у Таганрога... а для бережения той пристани на берегу сделать шанец, чтоб в том шанце ратным людям зимовать было можно и сидеть 1000 человекам».

С тех пор дату 12 сентября принято считать официальным днем основания города Таганрога. Строительными работами по постройке крепости был назначен руководить А. С. Шеин, фортификационными – австрийский барон военный инженер-строитель Эрнест фон Боргсдорф и голландец Рейнгольд Трузин, «инженер городского дела». Строительством гавани заведует капитан Матвей Симонт. 1-го сентября 1699 года Петр Первый, прибывший на Таганьий мыс с эскадрой от Керчи, присутствует при освящении первой построенной церкви во имя св. Живоначальной Троицы, что и дает крепости первоначальное название Троицк или Троицкая крепость. Она имела форму пятиугольника с четырьмя полигонами и рavelинами и была обнесена земляным валом с бастионами по углам общей протяженностью 3 километра. Высота вала – 8 м, глубина же рва – 5 м при ширине 40 метров. Боковые стороны вала упирались в обрывы мыса. В вал были встроены три бастиона, два полубастиона, три рavelина, оснащенные пушками и гаубицами. Со стороны крепости вырыты пороховые погреба, устроены казематы и казармы. Территория крепости имела радиально-лучевую планировку, объединенную центральной площадью. На ней же были построены: государев двор, Троицкая церковь, городские палаты, дома для простых людей, склады, базар с лавками, кабаки, колодцы. Архитектором в городе одно время работает известный строитель Осип Старцев, представитель «москов-

ского барокко». Таганрогский порт становится первым в мире, построенным не в естественной бухте, а в открытом море с искусственным молом. Он много десятилетий восхищает своей дерзостью и изящной рациональностью зарубежных строителей. Акватория гавани занимала 774 тысячи квадратных метров, имела прямоугольную форму и была обнесена молом, набутенным камнем. Единновременно она вмещала до 250 кораблей. Со стороны моря размещались главные входные ворота, обороняемые башней. Прикрывались бастионом и боковые ворота. Вход в гавань дополнительно оборонял и форт «Черепашка» площадью 1200 квадратных метров со 127 пушками, устроенный в море в двух километрах от берега на рукотворном острове. Для его сооружения между рядами дубовых свай, вбитых в морское дно, укладывали деревянные ящики с камнями. И в этом Таганрог в мировых лидерах – подобный способ возведения молов и искусственных островов применялся впервые в истории. В наши дни остатки форта Черепашки еще видны при восточных отгонных ветрах справа от порта. И вот Матвей Симонт сообщает в Москву: «Летом прошлого 1705 года, сентября по 1 число, в Троицком гавана построена».

К 1709 году строительство основных сооружений в гавани было завершено. Общая протяженность молов достигала 1700 метров, для их возведения было забито 30 тысяч дубовых свай, изготовлено и уложено в подводную часть двести деревянных ящиков, в которые было загружено свыше 50 тысяч кубометров камня.

Немецкий генерал Христофор Герман Манштейн в своих «Записках о России. 1727—1744» писал: «...Он (Петр I) устроил на Азовском море в местности, именуемой Таганрог, прекрасную гавань, названную им Троица, в которой суда, пройдя без груза устьем Дона, под Азовом окончательно вооружались и могли стоять совершенно безопасно. Все, видевшие эту гавань, сознаются, что это одна из наилучших гаваней Европы».

Таганрог стал в истории России первым городом, построенным по заранее разработанному генеральному плану и чертежам, с использованием радиально-лучевой планировки, а также первым российским военным портом. Царь неустанно следит за развитием Таганрога.

Вот что пишет Петр азовскому губернатору Ивану Андреевичу Толстому: «Изволь в том, от чего, Боже сохрани, под нынешние часы, осторожность учинить, как в Азове, так и наипаче в Таган-Рогу, к обороне того места. Сам, Ваша милость, сведом, каково туркам Таганрог». Начиная с августа 1696 года, для освоения новых земель в Таганрог направлялись пленные турки и татары, а с началом Северной войны – в большом количестве шведы и жители Прибалтики. Значительную группу составляли казаки Слободской Украины, которых селят на реке Миус для охраны подступов к Таганрогу со стороны Крыма. Зимой и весной 1709 года Петр I находится в Воронеже, Азове и Таганроге, которые активно укрепляются на случай нападения турок и крымцев. Перед своим выездом из Таганрога к Полтаве, где намечается решающая баталия со шведами, Петр 4 мая пишет А. Д. Меншикову: «Сие место, которое перед десятью годами пустое поле видели (о чем сам сведом), ныне с помощью Божьей изрядный город, купно с гаванью, обрели, и хотя, где долго хозяин не был, и не все исправно, однако ж есть что посмотреть».

В это время в гавани Таганрога базируется сильный флот, основу которого составляют 70-пушечный «Спящий лев», 60-пушечные «Шпага» и «Гото-Предестинация», 50-пушечные «Геркулес», «Скорпион», «Ласка», «Уния» и другие. В честь окончания строительства гавани, верфи и города, подчеркивая особые заслуги Матвея Симонта, Петр 23 мая 1709 года приказывает адмиралу Ф. М. Апраксину изготовить памятную медаль: «Изволь приказать сделать Матвею Симонтову монету золотую с камнями ценою в ста три, и на одной стороне чтобы была наша персона, а на другой – гаван здешний и подпись тут, что дана ему за труды гавана».

В ответном донесении, посланном 2 июня 1709 г., Ф. М. Апраксин сообщает: «Монету Матвею Симонтову с персоною Вашего Величества, и на другой стороне с начертанием гавани

и с подписанием по указу велю делать немедленно, и когда сделаю, немедленно до Вашего Величества пришлю».

Всего за одиннадцать лет на продуваемом ветрами Таганьем мысу вырос каменный город, первая военно-морская база, в которой было построено более 200 каменных зданий, а в 1357 жилых домах проживало около 10 тысяч человек. В крепости находился гарнизон в несколько тысяч человек, на вооружении которого было 238 пушек. В гавани и в крепости на острове Черепаха находилось еще свыше ста пушек. Кроме того, в гавани стояло 10 военных кораблей, вооруженных 360 пушками, с командой в 1500 человек. Внушительная сила. К созданию Троицкой крепости, гавани, а затем и города Таганрога в разное время были причастны много известных военачальников и инженеров, составивших славу Петровской эпохи. Вспомним их славные имена: Э. Ф. Боргсдорф, Е. Крафорт, Л. И. Руск, де Лаваль, М. Симонт, Ф. П. Деволан, А. Моллер, Р. Трузин, Дюпон де Ларю, А. И. Мельников О. Старцев. В разные периоды создания Таганрога и Азовской флотилии, строительства гавани и крепости в Таганроге служили практически все адмиралы той поры: Ф. М. Апраксин,

Ф. Я. Лефорт, П. П. Бредаль, Ф. А. Головин, Ф. А. Клокачев, А. Н. Сенявин, К. И. Крюйс, В. Я. Чичагов, Я. Ф. Сухотин, Д. Н. Сенявин, В. Беринг, Ф. Ф. Ушаков и другие.

Екатерина II в письме Вольтеру писала: «Петр Великий предполагал даже перенести сюда столицу державы». Но судьбу города вскоре решила неудачная для России война с Турцией в 1711 году, когда по условиям Прутского мира Россия обязалась срыть возведенную крепость и гавань, что и было сделано в феврале 1712 года.

«Как не своею рукою пишу, – сообщал царь Петр Апраксину – нужно турок удовлетворить... пока не услышишь о выходе короля шведского и к нам не отпишешься, Азова не отдавай... Таганрог разорить как можно шире, однако же не портя фундамента, ибо может быть Бог иначе совершить».

Все работы в Таганроге прекращаются. Свыше двадцати недостроенных кораблей разбираются. К сожалению, не увенчиваются успехом попытки перевести исправные корабли из Азовского флота на Балтийское море. Поэтому некоторые из них продаются Турции, другие сжигаются. Среди проданных кораблей оказались краса и гордость Азовского флота «Гото-Предестинация» и «Ласка». Были срыты крепостные валы Таганрога, взорваны его укрепления и гавань, разобраны доки. Гарнизон Троицкой крепости с пушками и припасами передислоцируется в крепость недалеко от Черкаска (ныне – станица Старочеркасская), в Хоперскую, Тавровскую и Ново-Павловскую крепости. 21 мая 1712 года ушел последний русский караул из Троицкой крепости на Таганроге. Лишь только турки вступили в покинутый город, как бросились на остатки укреплений, чтобы не оставить камня на камне от ненавистой крепости.

«Таганрогскую крепость и цитадель, – доносил царю в сентябре 1712 года Ф. М. Апраксин. – турки до основания разоряют». А затем 24 долгих года Приазовье находится под властью турок. Если Азов они еще по старой памяти старались укреплять, то чуждый им Таганрог полностью ими заброшен. Лишь в ходе очередной русско-турецкой войны в 1736—39 годы в царствование Анны Иоанновны после четырехмесячной осады Азов был вновь взят фельдмаршалом Минихом. Отходят к России и остатки Таганрога. И сразу же начинается его восстановление. Но только недолго длилась радость возвращения: после заключения союзником России – Австрией предательского сепаратного мира с турками все восстановленные укрепления вновь приходится уничтожать, хотя эта территория и остается за Россией. И только после победоносной войны 1768—1774 годов, уже в эпоху Екатерины Великой, Россия возвращает себе эту землю окончательно. Троицкую крепость быстро восстанавливают на старых фундаментах, а гавань становится базой для Азовской флотилии. В соответствующем указе (ноябрь 1769 года) Екатерина II пишет: «Таганрогскую гавань отдаем мы совсем в ведомство вице-адмирала Сенявина с тем, чтобы оную поставить в такое состояние, чтоб она могла служить

убежищем судам, так и для построения оных, а тем паче галер и других судов... и чтоб в будущую кампанию 1770 года флотилия во оной уже зимовать могла...».

Восстановление Азова и Троицкой крепости поручается генерал-поручику Фридриху Вернесу. Правда, теперь Троицкую крепость больше величают Таганрогской крепостью или Таганрогом. Воссоздается и крепостной Петровский вал со рвом да с двумя крепостями – на Петрушиной косе и Павловской на лимане, а также с дополнительным редутом посредине. Вдоль вала расселяют 500 семей донских казаков, составивших Таганрогский казачий полк под командованием полковника Якова Ханженкова.

Первым комендантом Таганрогской крепости становится бригадир Иван Петрович де Жедерас. В конце апреля 1771 года адмирал А. Н. Сенявин сообщает президенту Адмиралтейской коллегии графу И. Г. Чернышеву: «При всей моей скуке и досаде, что флот еще не готов, Ваше сиятельство, вообразите мое удовольствие видеть с 87-футовой высоты стоящие перед гаванью (Да где ж? В Таганроге!) суда под военным российским императорским флагом, чего со времени Петра Великого... здесь не видали».

А в конце мая 1771 года под командой Сенявина уже находится 21 корабль с 450 орудиями и 3300 членами экипажей. В июне Азовская флотилия поддерживает с моря взятие Перекопа, крепостей Керчь и Ени-Кале, отбивает попытки турецкого флота блокировать продвижение русских по восточному берегу Крыма и обеспечивает другие действия армии генерала В. М. Долгорукова. В сентябре 1773 года академик Санкт-Петербургской академии наук, немецкий врач и естествоиспытатель Антон Иоганн Гюльденштедт, совершающий обширное путешествие по юго-востоку Европейской России и Кавказу, так описывает в своем дневнике Таганрог: «Крепость стоит на совершенно ровной возвышенности, поднимающейся на 30 сажень над уровнем моря, у которого она с южной стороны обрывается крутым берегом...

Длина крепости с востока на запад пятьдесят сажень, а ширина с севера на юг четырехста. Она окружена сухим рвом с палисадом и правильным валом с багареями и бастионами... Противлежащую крепости часть моря занимает гавань, объединенная деревянным молом. Мол имеет в окружности шестьсот сажень, в ширину три сажень и в высоту 10 футов... Он возведен на старом фундаменте времен Петра Великого... Насупротив гавани в верстах трех на юг лежит остров, на котором устроен теперь карантин для судов, приходящих из Крыма».

Указом от 5 февраля 1776 года Темерницкая портовая таможня переносится в Таганрог. Скоро в Таганроге откроется первая контора торгового дома «Сидней, Джеймс и Ко», основанная тульским купцом Сидневым, английским моряком Джеймсом и купцом Этоном. Азовская же флотилия перебазировается в Керчь, а строительство военных кораблей переносится в Херсон. Так Таганрог начинает превращаться в купеческий портовый город.

Как царь Пётр засеял клад на мысу Таганьем

О том, как царь Пётр Алексеевич деньгу несметную в Азов-море на Таганьем рогу обро-нил-рассыпал, не всяк и в Богудонии – заповедном месте таганрогской земли неисхоженной, краю азовском запутанном – поведать нынче сможет. То лишь старые люди баяли, что сами в грамоте не сведущи, читать-писать не обучены, а так – с языка на язык – тянут сказки-при-сказки. От азовских сидельцев, от потешных царских людишек молва та про клад богудоньев-ский и дошла нераспесканной.

Как одолел в войне Пётр Алексеевич в Азов-городе турок-нехристей, так велел он для награды обещанной полки солдатские во фронт выстроить. Сам идет, не гнушается, из шка-тулки гербованной отсыпает рубли не жалеючи, героям да раненым. А Лефорту с Гордоною, генералы его немецкие, от солдатских шеренг воротят носы, брезгуют – диспропорцию чинят такой царёвой щедрости.

– Нету нынче регламенту, херр Питер, чтоб рубли горстями зольдатам раздаривать! – говорят да жмутся к своим сундукам немаленьким, крышки кованые любовно оглаживают.

Отмолчался Пётр Алексеевич на слова генеральские, не стал позорить перебранкой вик-торию, поделился остатком казны с русским воинством. А как ночь навалилась, да зажглись костры караульные, глянул Пётр Алексеевич на Азов-город да окручинился: мал и кособок городишко-то, не по чину столоваться в нем царю русскому, негде развернуться душе его широ-кой.

Собрались тогда казаки в круг, пошумели-погутарили да решили царю место знатное, рогом издавна прозванное Таганьем, показать в зелёном Азовском море, очи светлые его пора-довать и себя в государевом деле восславить. Утром прыгнул царь с донцами в струги лёгкие, казаками смолённые. Враз ударили весла гибкие, стаей выпорхнули, да на запад, куда солнце клонится, и отправились. А царь Пётр Алексеевич молод был тогда да отходчив, пригласил на прогулку и Гордону с Лефортою. Пусть зады от своих сундуках оторвут генералы немецкие, морским ветром продышатся, окоёмом казацким подивятся. Да не раз и не два гребцы весла осушивали и чарки полные по кругу облеживали, пока рог Таганьин заветный, что царю казаки загадывали, впереди не завиднелся темной тучею.

Немцы цокают, усмеваются:

– Сие место пустынно и сумрачно, для ассамблей и политесу европейскому невыгодно. Только зря свои букли сквозняком азовским взлохматили.

Царь же Пётр Алексеевич закатал рукава кафтана бомбардирского да стал лощей море супротив мыса мерить-проглядывать. На карте зарубки указывать – где тут гавань ладить да крепость грозную пристраивать. А как спрыгнул на песок мыса Таганьего да прошёлся по берегу широкому, так и вовсе расплалась азартом его очи царские:

– Нынче ж стольный град для империи заложу в сем месте! Порт великий и крепость знатную! Наши станут моря сии южные, от османов вернём православную Константинову вот-чину!

– Не пристало в степи, где вчера казаки с татарвою рыскали да на шашках переведыва-лись, возводить морскую фортецию! Не по правилам сие, не в артикулах – без залива стро-ить гавану знатную! – все Лефорту с Гордоной колготятся. – Не приедут сюда немцы учёные, не помогут инженеры дикий край сей обустроить!

Приздумался царь Пётр Алексеевич словам генераловым, ус покручивает, умом прики-дывает. На Лефорту с Гордоною с прищуром косится. Так выходит, что без немцев обученных тут фортеция не устроится, не приладится гавань крепкая без машинерии их хитроумной.

– А за золотом пять сундуков сторгуемся? Управятся тогда немцы обученные?

– Кто роздал самолично казну сословию подлому? – Рассмеялись Гордона с Лефортою. – Чем заплатишь теперь, херр Питер, немецким помощникам? Где возьмёшь золотишко для жалованья?

– Есть заначка в примете секретная. Не обижу я немцев обученных. Даю царское слово верное.

Завели толковище генералы немецкие. Букли чешут, на гроссбухах подсчёты записывают. Час, другой выверяют коммерцию – все ли сходится, не прогадают ли?

– За пять сундуков золота и ещё полшкатулки серебра да три монетки медные и два грошика сладим крепость да гавань выстроим. По последней науке с чертежом разлинованным.

– Порешим на том, не промешкая. Да приступим к делу.

Взял Пётр Алексеевич в охাপку Лефорту с Гордоною и на кручу Таганью втащил их игрушки, казакам на насмешки и шуточки. Следом выволок и сундуки их, задами немецкими прогретые. Как откинули крышки – только ахнули!

Громче всех вперебой Гордона с Лефортою заохали:

– Сие талеры цесаря Австрии и круля польского, золотая чеканка папы римского и дожей Венеции. Для коммерции тайной нам даны под процент с депозитом немаленький. В политесе сие дозволяется! И добавили совсем уже жалобно: – То не есть капитал и сокровище!

Приподнял Пётр-царь сундук первый подмышку и пошёл над кручей высокою, вдоль Азовского моря – в землю зерна словно бросает в рассыпочку, не жалея талеры с флоринами.

– Пусть послужит латинянское золото добрым всходам на мысе Таганьем! Урожай соберём немереный! Так приедут инженеры иноземные? Что молчите, генералы мои немецкие? Или разом другим пройтись по берегу моря?

– Непременно приедут, херр Питер, куда уж теперь денутся! – причитают Лефорта с Гордоною. – Тут отбоя не будет от страждущих урожай собирать в морском берегу!

Сел на струги царь Пётр казацкие и отчалил с песней весёлою. Только нет на тех стругах Гордоны с Лефортою, мыс сторожат с сундуками пустыми – ожидают иноземных помощников. Вести тайными тропами шлют немцам обученным – зовут решетом просеивать песок, искать талеры, крепость рыть и гавань прилаживать. Через год-другой и на третий быстро в рост пошла крепость Троицкая, на Таганьем рогу заложенная. Прижилась она к душе Петру Алексеевичу, на награды не стал он жадничать, отплатил сполна за труды и Лефорте с Гордоною. Не забыл и немецких помощников, что работных людей на мысу приглядывали, по науке крепость строили и по правилам. И для всех мастеров царь московский медаль высек в честь города славного, Таганрогом в циркуляры вписанного. А на кручах гавани старой, где Гордона с Лефортою вслед царю скакали-выпетливали, проросла через век Богудонская вольница – поселение путанное, к чужим скрытное. По её берегам азовским и нынче бродят-рыщут ватаги, охочие до цесарских талеров и золота венецианского.

Проверяют, что старые люди баяли: те, что сами в грамоте не сведущи, читать-писать не обучены, а так – с языка на язык – тянут сказки-приказки, на забаву ради да не для корысти.

Полуротный, 16 Войсковая ячейка Троицкой крепости

Эти неказистые основательные здания из известняка на пересечении 1-го Крепостного и Полуротного переулков в Таганроге знают многие горожане. Правда, не все догадываются, что дома эти – одни из самых старых зданий города и, безусловно, старейшие на Юге России фортификационные сооружения – Войсковая ячейка Троицкой крепости. Иногда их не совсем верно именуют «Петровские казармы». И хотя они действительно построены в стиле эпохи Петра I, но возведены в начале XIX века согласно поручению первому градоначальнику Таганрога А. А. Дашкову восстановить Таганрогскую крепость. Гарнизон предполагался в два батальона, переведённые из крепости Святого Дмитрия (нынешний Ростов-на-Дону).

Инженер-капитан Росинский предложил 16 марта 1804 года чертеж «Планы, фасады и прорезы каменные, выстроенные в Таганрогской крепости на один гарнизонный и двухбатальонный полк».

По этому проекту предполагалось возвести десять комплексов – войсковых ячеек, включающих в себя солдатскую казарму, дом для офицеров, кухню, нужное место и колодец. Располагались они по периметру участка 51,3х68,4 метров, огороженного забором из ракушечника высотой около двух метров с одним общим входом. Закончены ячейки будут уже при втором градоначальнике Таганрога – уроженце Лифляндии бароне Балтазаре Балтазаровиче Кампенгаузене, личности весьма примечательной, сыгравшей значительную роль в истории Таганрога и всей Российской империи.

Камергер Императорского двора, сенатор, член Государственного совета, государственный казначей и контролёр, управляющий Министерством внутренних дел, директор Третьего (медицинского) департамента Министерства внутренних дел, автор книги «Основание российского государственного права» – вот его неполный послужной список после окончания нескольких европейских университетов. По словам историка Таганрога П. П. Филевского «... никто из таганрогских администраторов столько не сделал для города, как он; это был образец энергии и понимания нужд края, где действовать он был призван...»

Будучи в Таганроге всего лишь четыре года – с 1805-го по 1809-й – он успевает благоустроить город и укрепить его положение как крупнейшего порта империи, а также превратит город в значительный административный центр юга России. Именно по представлению Кампенгаузена император Александр I включает в Таганрогское градоначальство Ростов, Нахичевань и Мариуполь, в июне 1808 года таганрогский градоначальник напрямую подчиняется центральным правительственным учреждениям, минуя бюрократию Новороссийского края.

За время пребывания Кампенгаузена градоначальником в городе открываются гимназия (1806), первый коммерческий суд (1808), строительный комитет (1806), а также закладывается сад и утверждается первый план застройки Таганрога.

Кампенгаузен добивается сохранения льгот, пожалованных грекам Приазовья Екатериной II. При нем же значительно расширяются полномочия и штаты таганрогской таможни и полиции.

Поистине, трудно переоценить заслуги для города Таганрога этого государственного мужа!

В Таганроге в его честь были названы два переулка – Большой (ныне Комсомольский) и Малый (Спартакровский) Кампегаузенские. Сейчас же молодые таганрожцы о нем и не слышали...

Но вернёмся к войсковым ячейкам. В 1805—1808 годах подрядчик сотник Николаев строит первые пять ячеек (одна из которых как раз и сохранилась почти в целости), а ещё лаза-

рет, дом для коменданта и дома для штаб-офицеров. Но к этому времени, после начала бурного освоения Крыма, надобность в усилении Таганрога как военной крепости отпадает, и дальнейшее строительство укреплений останавливается. Со временем ячейки пускаются на продажу – под склады, мастерские и жильё. В казарме, что сохранилась в переулке Полуротном, поочерёдно квартируют двухбатальонный гарнизонный полк, Люблинский пехотный полк, Черноморский полк, 3-я артиллерийская бригада. А начиная с 30-х годов XIX века, в ней долгое время размещаются арестанты, которые используются на работах по благоустройству Таганрога. Сохраняется тюремное назначение казармы и после Октябрьской революции – она принимает колонию малолетних преступников. Только годы спустя в них оборудуют жилые квартиры. В 90-е годы XX века обитателей квартир расселяют, так как в казарме предполагалось создание Таганрогского военного или Военно-морского музея. Но дело по различным причинам застопорилось, и здание казармы нынче используют различные коммерческие предприятия.

Арестант и мичманова дочка

Случилась эта история вскоре после безвременной таинственной кончины в Таганроге царя нашего батюшки, императора Александра Благословенного. Аккурат при братце его, Николае Павловиче, все и вышло. Градоначальник тогдашний барон Франк выхлопотал для укрепления морской набережной и прочих хозяйственных нужд города у генерал-губернатора Новороссийского края позволение на постройку в Таганроге арестантской команды, числом не более сотни. Выхлопотал да и выхлопотал. Дело-то нужное. Кто ведал, как оно-то обернётся? Разместили их в старых солдатских войсковых казармах, что враслали в землю почитай со времён Екатерины Великой в черте Троицкой крепости.

Как раз полурота арестантская и вышла. Все чин-чинарём устроили согласно регламенту: охрану назначили с господами офицерами и фельдфебелями-держимордами, деньги из таможенного сбора портового на содержание арестантское выделили, на работы нужные горемык определили. Водить подневольных сперва на Банный спуск стали, что с западной стороны мыса Таганьего: брусчатку там мостить, канавы отводные рыть да кусты-деревья высаживать. И так сноровисто дело пошло, словно не за страх арестанты укладывали в землю итальянские да греческие булыжники из корабельных балластов, а на совесть, не до конца загубленную.

Так что Таганрог тогда славным да крепким портом стал в империи почитаться не без их усилий. Ходили к работам подконвойные строем, для порядка командами по десять человек. Идут, деревянными башмаками на босу ногу по брусчатке колотят, словно полуночной колотушкой душу вынимают из самых закоулочков. У начальства сердце радуется-заливается, а простой человек и слезой в глазу блеснёт. А надо сказать, не все промеж арестантов убивцы да душегубы с ворами были. Попадались и судьбой в лихолетье искрошенные – кто господам своим чего поперёк в сердцах сотворил, кто в турецкую славную кампанию под руку отцам-командирам подвернулся своей ленью да бестолковостью. Не злодеи вроде, а так – горемыки неприкаянные. Им-то горше всего было в серый арестантский армяк кутаться да глаза от добрых людей отводить.

Таким вот не до конца злодейству отданным в таганрогской арестантской полуроте и был Семён, сын казака из Малороссии. Высок, горяч, да языкаст не по чину. Повздорил с барчуком гневливым в степях донецких, коня у него свёл в полночь с конюшни шутейно вроде, а натворил парень делов непростительных. Его бы высечь да за чуб смоляной отгаскать, но нет же – лоб арестантский обрили. В трудах свои дни отмеренные считать да Богу молиться. Только судьба ему такая вышла или Бог мольбы услышал – приветила Семена девица из дома греческого купца Диамантиды, что с зерном корабли по всему свету отправлял и даже на остров Корфу. Ведут арестантов на работы мимо окон диамантидовых – она молока глечик или хлеба краюху свежую, рушником обернутую, и сунет парню. И не то чтобы красива была девица, не барской ведь иль купеческой породы, но чиста лицом и светла душою. Радостно стало вдруг Семёну в неволе томиться. Кивнёт ей при встрече с благодарностью за хлеб Семён, зардеется девица, на конвойных солдат бросит колкий взгляд – не прогонят ли? – да только сама бегом обратно в дом. Пуще солдат ведь хозяйский гнев за нерадивость. Так не раз и не два заминки при конвоировании случались, пока не приметил ротмистр, что солдатами охранения командовал, ту девицу настырную. Приметил глазом не командирским, а мужским, бобыльством давним изъеденным. Быстро выведал, какого она роду-племени: и что Полиной нарекли, и что дочь отставного мичмана со шлюпа «Оглушительный», и что уже полгода как в прислугах при наследниках-любимцах богатого грека. Выведал и долго тянуть не стал, не таковской выучки был. При шпаге, в кафтане сукна дорогого к мичману и нагрянул. Дочь забрать в свой дом, породниться, если все по-людски сложится. Не вечно же ему арестантов по таганрогским улицам понукать.

Старый мичман перечить гостю не стал, хлебом-солью порадовал под чарку черкасского вина, но Полине самой на выбор судьбу отдал. Да только кто в девичьем сердце правду сыщёт, если там одна любовь глупая живёт? Не стала ротмистра и слушать Полина. Лицом почернела. Глазами так позументы на его камзоле и выжгла бы.

Отступил ротмистр. Не горевал бы он вовсе по Полине, да только видеть всякий раз чужую любовь ему стало горестно. Как тут стерпишь, если Семён и Полина в радости воркуют и через стены в три кирпичика, и сквозь караул строгий? Ни сраму, ни страха перед людьми за своё счастье.

Начал ротмистр Семена на работы особливо трудные определять, гнуть к земле его чубатую голову. И греку Диамантиди посулил помощь в протекции по торговле перед комендантом, если тот Полину, что заневестилась счастливо, от работы в своём доме отставит, содержания лишит. Так велика была его обида. Не офицером бывалым, что с турком без дрожи в боях встречался, а почерневшим ревнивцем он каждое утро в муках просыпался. Пока не надоумил его денщик отворотным зельем душу свою успокоить, забыть недостойную дочку мичмана.

В Богудонии – рыбацком поселении на окраине Таганрога, что на склонах старой гавани турецкой, в те годы жила – цыганка не цыганка, а ведунья с глазом черным, на порчу скорым – бабка Махора. К ее порогу и спровадил по путаным богудонским улочкам-прощелинам денщик ошалевшего от любви-ревности ротмистра.

Положил перед дремлющей Махорой монету золота заморского гость незванный. Взяла старуха подношение, не спеша завернула в тряпицу. После глянула на истомившееся лицо ротмистра и сказала:

– Дам я тебе настой трав выгонки столетней, в заморских землях собранных. Только знай: испробуешь сам – навеки все и всех позабудешь, остынет твоё сердце от огня любовного. Девуцу желанную угостишь – потеряет в этом мире она суженого. А того опоишь – никогда не видать ему своей зазнобы. Тебе решать, ротмистр. Тебе и ношу эту нести.

Принял он от бабки склянку, не глядя сунул за отворот кафтана да, не разбирая дороги, побрёл в казарму думать-гадать слова ведуньи. Но только нет прямых дорог в Богудонии, не каждому суждено выбраться из её проулочков да закоулочков. Сгинул было ротмистр, но тут и денщик с помощью не замешкал, не дал пропасть, вывел к миру Божьему. Знать бы ему, что его господин сотворит вскоре...

Наступил праздник святой – Рождество Иоанна Предтечи. Арестантам дали послабление – на молитву в храм Троицкий сводили и к столу вкусностей разных подготовили, что люди добрые на радость заблудшим пожертвовали. А к кому родные да близкие дорогу не забыли – дозволено было вместе побыть.

Пришла и Полина, не сломленная коварством греческим и злобой ротмистра. Сели они с Семёном, глаз друг от друга не отрывают, о новой встрече взахлёб мечтают. Подошёл к ним ротмистр. Поставил на стол три чарки с вином неразбавленным, у проверенных контрабандистов купленным.

– Выпей, не гнушайся, Семён, да и ты, Полина. В честь праздника святого и примиримся разом.

Сказал и сам в чарку усы обмакнул. Выпили и арестант с невестой на свою погибель. Долго потом люди молвой делились, да только правды не сказывали. Затерялась правда-то с тех пор в годах длинных. Как впал в беспамятство безумное ротмистр, так что и род его навек сгинул, и фамилию вспомнить не могут, как арестант и мичманова дочка разом в суматохе истаяли, словно и не было их вовсе на свете Божьем.

С тех пор раз в году, когда православные чтут Иоанна Предтечу, а люди старых поверий – Ивана Купалу, слышен в ночи, уже под утро, стук деревянных башмаков по камням мостовой Крепостного переулочка, что тянется вдоль солдатской казармы, и лёгкий шёпот то ли листвы каштанов, то ли волны морской.

А люди зоркие, что и в тумане не заплутают, видят два силуэта, рядом бредущие, а словно и не вместе. К каждому встречному в этот неурочный час они тянут призрачные руки и вопрошают с мольбой:

– Вы не видели мою любимую?

– Где мой суженый?

Но разве кто подскажет им, посоветует, если сами они навечно друг другу отыскать не вольны?

Так и мыкаться им, коварством ротмистра погубленным, пока кто из людей не вспомнит фамилию его окаянную да вслух не произнесёт...

ул. Фрунзе, 58-а Католический костёл

Одним из самых сильных впечатлений от Таганрога с момента его основания для людей приезжих были его почти вселенская разноразличность и многоконфессиональность, что делало город одним из уникальных мест Российской империи.

Православные храмы и монастыри русской и греческой церкви, синагога, мусульманский молитвенный дом, лютеранская кирха, армянская церковь, католический костёл – и это все в небольшом по нынешним меркам провинциальном городке. Но и в этом многообразии, и, даже можно сказать, архитектурной и исторической насыщенности, судьба дома, где ныне размещается Центральная городская детская библиотека имени Горького, выглядит впечатляюще.

А началась наша история в 1806 году, когда градоначальник Таганрога барон Кампенгаузен, о котором уже упоминалось ранее, обратился к министру внутренних дел графу В. Кочубею с прошением «о исходатайствовании монаршего соизволения на выстроение в Таганроге от казны Католической Церкви...».

Уже весной 1807 года, после личного одобрения Александром I и выделения денег из государственной казны, в городе торжественно освящается место для закладки католического храма на улице 3-й Продольной (потом Католическая, Николаевская, Троцкого, Фрунзе).

В 1811 году католический приход Пресвятой Троицы был построен сотником Николаевым по проекту архитектора Россинского. Первым ксендзом становится Серафим Гольфельд, член ордена кармелитов босых, присланный из Литовской провинции. Богослужение начинается в следующем году, когда была завершена внутренняя отделка храма (общая площадь 330 м²). Под фронтоном над центральным входом в храм располагалась латинская надпись «Ex tuis bonis tibi offerimus» («От щедрот Твоих приносим Тебе»). Главное помещение делилось колоннами на три нефа и вмещало 250—300 человек. По обе стороны от главного алтаря с запрестольным образом Пресвятой Троицы располагались часовни Успения Пресвятой Богородицы (с иконой Ченстоховской Божией Матери) и св. Антония Падуанского.

В 1848 г. из Италии прибывает новая церковная утварь, а также мраморный алтарь, а в 1886 году к храму пристраивается небольшая колокольня на двух кирпичных столбах. Тут же, рядом с храмом, с годами добавляются дом священника, дом органиста, двухэтажное католическое церковно-приходское училище, сохранившиеся как жилые дома до сих пор. Паства в 300 человек за сто с лишним лет существования костёла пребывает почти неизменной. Среди прихожан семьи дворянина Глинского и купца второй гильдии Данцигера, музыканта Гаэтано Молла и учителя французского языка мужской гимназии Монтанружа.

В начале 20-го века таганрогский костёл обзаводится специально собранным в Венгрии органом. Но в 1925 году приход разделяет судьбу почти всех церквей – его помещение национализируют и открывают в нем ватную мастерскую.

Только в 1938 году начинается другая история прекрасного здания – его отдают под городскую детскую библиотеку, существующую и по сию пору.

Забывтый ангел

Старик поправил ещё пару книг, едва касаясь, провёл рукой по их выдавшим виды корешкам и, удовлетворённо хмыкнув, вразвалочку отправился далее в свой ежевечерний обход.

О, сколько же бесконечных лет он бродит и бродит среди высоких, забытых под завязку книгами полок, что порой кажется – убери потолок библиотеки, книги давно устремились бы в небесный простор...

Старик вздохнул. Ему-то в небеса как раз путь заказан. «Только не начинай, – сказал он себе тут же. – Опять станешь причитать да жаловаться на судьбинушку да горе-злосчастье. Я-то тебя, нытик, хорошо знаю. Тебе дай только повод поплакаться. Смотри у меня...». Но тут он вдруг остановился – ну-ка, ну-ка – и, нагнувшись, осторожно потащил за краешек книгу из стопки на второй полке снизу. Стопка качнулась, но устояла.

В руках же старика остался фолиант в несколько обтрёпанной обложке из толстого, когда-то зелёного, картона. «Владимир Маяковский. Стихи детям. 1930 год» – не без труда прочитал старик и недоуменно повертел книгу в руках. Откуда здесь этакая древность? Её же давно в утиль списать должны. И тут же испугался: зачем в утиль? И слово-то какое недоброе придумали, утиное, тянущее болотом – утиль. Давние, обкатанные временем, словно камни бурливой речной водой, книги старик любил беззаветно и старался всеми своими скромными силами отводить от них неминуемое списание по ветхости или старости.

Ну как можно объяснить неумолимым утилизаторам, что когда он касается желтых ломких страниц старых книг, душа его трепещет и воспаряет, благодарно наполняется до краёв смыслом прожитых книгой долгих лет среди людей. Многих, таких разных людей, навсегда становящихся частичкой тебя. Библиотечные запасы на стеллажах и полках, будто острова в океане, были его вотчиной, его миром, а он – их рачительным незримым хозяином...

Он покрепче сжал книгу под мышкой и, аккуратно ступая по узкой лестнице, спустился в зал выдачи книг. Находку следует перепрятать и немедленно. Для этого у него найдётся парочка проверенных тайников. Старик повеселел. Он представил, как вскорости покойным вечерком сядет за любимый стол в центре большого зала, обязательно зажжёт главную люстру – гулять, так гулять! – и всласть полистает затёртые рыхлые страницы сегодняшней находки. Чихнёт пару раз от книжной пыли – не без того, разгладит заломленные уголки, подклеит расползшийся корешок. А ещё будет такая радость, если за окнами долго-надолго забубнит дождик да станут позвякивать неугомонные трамваи...

Будет, будет что вспоминать в старости! Тут он уже захохотал в голос. Хорошо у него про старость получилось, нашёлся красный молодец. Давай, ковыляй, не задерживай, червь книжный!

Ближайший тайник был в еле приметном переходе от зала выдачи в отдел комплектования. В нем уже хранились толстенный Пушкин юбилейного, выпущенного к столетию поэта издания; приключения весёлых Самоделкиных, зачитанные до дыр; полугодовая подписка журнала «Мурзилка» за девятьсот шестьдесят забытый год и рассыпающийся томик русских народных сказок. Пошарив рукой среди схороненных богатств – не завелись ли пройдохи мыши? – старик устроил Маяковского на почетное верхнее место: «Ну, теперь ты дома, знакомься с братьями».

Он тщательно прикрыл тайник, осенив его крестом. Призадумавшись, застыл на пороге главного зала и залюбовался. Огромная ветвистая люстра величественно плыла в вышине. Хотя нет, какая же это люстра? О, скорее цепкий якорь, который небесный летучий корабль спустил на самое дно, распугивая сонных обитателей земли. Корабль застыл в немыслимой вышине и, видно, мается в ожидании попутного ветра. Стены библиотеки вдруг померкли перед взором старика, и стали видны уходящие во все стороны облака. Они простирались

в бесконечность – то нежно розовые от восходящего солнца, то тёмные, набухшие весенним дождём, то в отсветах далеких гроз. Облака безмолвно клубились, готовые расступиться перед высоким носом небесного корабля и вновь сомкнуться за его кормой. Старик щёлкнул пальцами, и якорь запылал сотнями искорок, рассыпавшихся по бронзовым ветвям и веточкам.

«На эти-то огоньки и ловятся сухопутные души», – подумалось старику. Ему бы сейчас ловко подняться на палубу небесного корабля, привычно встать на мостике, широко расставив ноги в крепких просоленных ботфортах и, приложив к глазу сияющую в рассветном солнце подзорную трубу, глянуть по курсу и зычно скомандовать: – А ну, лоботрясы, морского ежа вам в глотку, трави якорь, поднимай паруса! Полный вперёд!

Старик гордо тряхнул длинными выбеленными за пару веков волосами и молодецкато отсалютовал невидимой шпагой.

Только так – полный вперёд!

Эх-хе-хе-хе... Да уж...

И тут люстра в нахлынувшей ночной темноте превратилась в причудливый цветок, что вырос под сводами таинственной пещеры. Лишь однажды в году, в самое неурочное время, когда силы света и тьмы сходятся в одной точке, в высоком недоступном месте он раскрывает свои огненные бутоны, ослепляя невольных свидетелей пылающей силой огня. И надо, минуя все препятствия и опасности, пробраться в эту пещеру, не жалея живота своего, сразиться с чудищами и подземной нечистью, что охраняют каждый выступ пещеры, каждый изгиб и отыскать цветок.

И в очаровании от его величия не сорвать, даже не потревожить, а лишь замороженно стоять и воздавать Богу хвалу за чудеса земные и небесные...

Старику хотелось, и с этим желанием было трудно совладать, отойти подальше, в самый угол зала, разбежаться, подпрыгнуть и, ухватившись покрепче, прокатиться маятником на люстре, раскачиваясь, что было мочи. Чтобы мелькали её огни, по стенам бежали наперегонки ошалевшие тени, а он бы залиvisto хохотал!

И вот уже люстра – не люстра, а ажурный колокол в звоннице. И он, словно живой язык, отбивает в нем удары – бом, бом, бом...

Старик вздрогнул: входная дверь хлопнула, и послышались шаги. Уж и ночь миновала? Он деловито оглядел помещение. Книг не переключивал, газетные подшивки не листал, через стулья не прыгал. Все вроде на месте. Потушив быстро люстру, сел за столик у окна, на своё привычное в утренние часы место, и откинулся на стуле. Книжный дом стал заполняться людьми. То там, то здесь слышались голоса, звяканье чайных кружек – жизнь просачивалась в каждый закоулок библиотеки. Чем-то с утра расстроенная Леночка звонила по телефону и настойчиво просила прийти десятые классы из соседней школы на ну очень важное мероприятие. Строгая Лана деловито включала компьютеры на радость детворе. Елена Ивановна, главный хранитель библиотеки, по-хозяйски быстрым шагом обходила залы и кабинеты. Вся верная книжная гвардия, сама того не ведая, вновь вставала на библиотечную вахту под знамёна старика.

Он перекрестился и стал тихо молиться о начале нового трудового дня: «Благодарение творю тебе, Господь, святой Отец, Всесильный вечный Бог!» Старик выглянул в окно, в морозящее апрельское утро, и, устроившись поудобнее, потянул бесчисленные разно-цветные картинки из прошлого, только и ждущие его призыва.

Больше всего он любил вспоминать, как в 1812 году к началу богослужения в таганрогском костёле Святой Троицы буквально накануне Великой европейской войны везли его из Италии на зафрахтованном корабле вместе с другими статуями и картинами. Его высокую белую фигуру из каррарского мрамора, тщательно обмотав копррой, уложили в деревянный ящик и надёжно закрепили в трюме. Три недели их носило по волнам разных морей, всю душу вымотали, пока в зелёной азовской дали не возник городок на мысу – Таганрог. Старик

смущённо улыбнулся. Первая и единственная его любовь. Хотя, казалось бы, чего особого он выдвигал здесь, в провинциальной глуши, за двести лет? Старик упрямо прищурился: видел!

Скорбел о смерти царя Александра, чьим заступничеством и возник этот храм в Таганроге. Гневался осаде чужеземцев, что ещё вчера были братьями по вере, чьи чугунные ядра глухо тыкались в каменные бока домов, отдавая острой болью в его душе. Радовался все новым и новым разноязыким прихожанам – прусско-, сардинско-, неаполитанско-, саксонско-подданным... И был счастлив новому кафедральному органу, который специально смастерили на берегах Дуная в Будапеште для его храма.

Так текла его земная жизнь в костёле Таганрога – ангела, одного из воинства Христова. Он стоял недалеко от алтаря – с приподнятыми крылами, в длинной белой хламиде, подпоясанный золотым поясом. Одной рукой он осенял крестом прихожан, в другой был меч. И был ангел благодарен Господу за свою судьбу. Только это осталось в прошлом. С очередной Великой войной всех против всех вначале истаяла паства его храма, оголив его тоскующую душу. Потом погрузился во тьму и хаос и город, и сам храм. Ангела под улюлюканье сбросили в яму, где он лежит и поныне, укрытый тремя метрами земли и строительного мусора, с отбитым крылом и выломанным мечом.

Старику было стыдно, что даже он впал тогда в страшный грех – грех уныния, опустил руки от безнадёжной печали и гнетущей тоски, позволил себе усомниться в промысле Божьем. Долгих десять лет он не жил, не бодрствовал, не спал – его словно и не существовало. Пока однажды вместе с книгами и их юными читателями новый светлый смысл не озарил его дом и его остановившуюся жизнь.

Старик задумчиво повторил слова своей любимой молитвы: «Душа Христа, освяти меня. Тело Христа, спаси меня. Кровь Христова, опьяни меня. Вода Христова, омой меня. Страсти Христовы, укрепите меня».

Вон этот беспокойный смысл – старик с усмешкой оглянулся на стайки пацанят и девчонок, что толпились у книжных полок библиотеки и, беспрестанно щебеча, выбирали книги. Пришли, не забыли, его ангелочки, его светлые души. Старик встал и вслушался. Тихие раскаты органа, как первые капли дождя, зашелестели по люстре, столикам и стеллажам с книгами. Они все набирали и набирали силу, пока не хлынули, смывая часы, дни и годы чёрной немоты.

Раскинув руки, старик разом взмыл вверх. Читальный зал, а потом и люстра, и растаявший потолок остались внизу. Лишь на площадке, где когда-то размещался крест костёла, старик застыл. Морщинистое лицо и растрёпанная белая борода его потекли воском под лучами солнца. И вот уже светлоликий ангел откинул назад длинные струящиеся волосы и со смехом сорвал остатки стариковского костюма. Орган звучал уже во всю забытую мощь. Ангел запрокинул лицо и зашептал – Спасибо тебе, Господи!

Спасибо за этот благостный долг!

Его громадные белые крылья распахнулись и, затрепетав на ветру, укрыли спасительной тенью и библиотеку, и близлежащие дома, и всех страждущих слова человеческого и божьего. Крылья ангела Анаеля, Духа познания, одного из воинства Христова...

ул. Чехова, 69 Домик Чехова

Домик Чехова давно стал визитной карточкой Таганрога, одним из его символов, особо близких сердцу и душе таганрожцев.

Крохотная, белёная извёсткой саманная хатка стоит в глубине двора на участке, принадлежавшем купцу Гнутову, и пристально смотрит на мир окошками с распахнутыми зелёными ставнями вот уже вторую сотню лет. О месте своего рождения Антон Павлович Чехов напишет П. Ф. Иорданову (герою нашего рассказа «Прогулка»): «Родился я в доме Болотова (так говорит моя мать) или Гнутова, около Третьякова В. Н., в маленьком флигеле во дворе». Павел Егорович и Евгения Яковлевна Чеховы с двумя сыновьями – четырехлетним Александром и двухлетним Николаем – снимут домик на улице Полицейской в декабре 1859 года. Здесь 17 января (29 января по новому стилю) 1860 года и родится Антон Павлович Чехов. В метрической книге Успенского собора запишут: «Тысяча восемьсот шестидесятого года, месяца Генваря семнадцатого дня рождён, а двадцать седьмого крещён Антоний. Родители его, таганрогской третьей гильдии купец Павел Егорович Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна, оба православного вероисповедания».

Это пристанище станет первым самостоятельным местом жительства семьи Чеховых. В нем три комнатки: детская, спальня родителей и зал, что и столовая, и гостиная, и рабочий кабинет Павла Егоровича. В 1862 году глава разросшегося семейства найдёт новое, более подходящее жильё, а у домика с тех пор столько раз поменяются хозяева, квартиранты и даже нумерация с адресом – после смерти великого земляка в 1904 году таганрожцы переименуют улицу Полицейскую в улицу Чехова. В 1910 году по инициативе Чеховского кружка под председательством Евгения Михайловича Гаршина (герой рассказа «Выстрел»), на домике была установлена памятная доска к пятидесятилетию со дня рождения Антона Павловича. А общее собрание Чеховского кружка Таганрога ходатайствовало, чтобы «...Таганрогское городское управление приобрело в собственность от г-жи Коваленковой принадлежащее ей дворовое место по Чеховской улице, №47, с постройками на нем, по улице и во дворе, имея в виду охранение в неприкосновенности небольшого домика, в глубине сего двора находящегося, в котором родился Антон Павлович Чехов...».

Но только спустя пять лет домик будет выкуплен, а через четыре года освобожден от проживания в нем частных лиц. В 1921 году над опустевшим домом возьмут шефство два таганрогских учителя: Елена Федоровна Кузьменко и Федор Тимофеевич Губа. Их стараниями он и будет сохранен. Ныне существующий в домике музей откроется в 1926 году. А рядом зацветут посаженные тогда же саженцы вишнёвых деревьев. В 1933 году во время подготовки к празднованию 75-летия А. П. Чехова вышло постановление об официальном открытии музея, и Фёдор Тимофеевич Губа стал его первым штатным сотрудником.

Слева от входа на территорию усадьбы в дни празднования 75-летнего юбилея писателя установили бюст А. П. Чехову работы скульптора В. Г. Морозовой.

Баденвейлер

Баденвейлер – небольшой горный курортный городок в Шварцвальде, ровно на полпути между немецким Фрайбургом и швейцарским Базелем. Здесь, в гостинице «Зоммер», в своем последнем земном пристанище в три часа утра 15 июля 1904 года умер от туберкулеза Антон Павлович Чехов.

Весной 1904 года, когда здоровье Чехова ухудшилось, врачи настояли на его срочном отъезде на заграничный курорт. Так был избран Баденвейлер, куда Чехов с женой Ольгой Леонардовной и прибудут 10 июня. Сначала Антон Павлович снял номер в гостинице «Ремербад». Но оттуда пришлось съехать – им настойчиво намекнули, что больные туберкулёзом – не самые желанные гости. Следующий пансион «Фредерик» Чеховы покинут уже сами. Не радушнее их примут и в гостинице «Зоммер», но отсюда Антон Павлович съехал уже совсем в иной мир.

Через четыре года после кончины Чехова русские друзья и почитатели его таланта, такие как режиссёр Московского Художественного Театра Константин Сергеевич Станиславский и другие, установили в Баденвейлере первый памятник великому писателю. Простоит он, правда, недолго – во время Первой мировой войны немецкие «патриоты» сдали его в металллом. Долгие годы потом баденвейлерцы не утруждали себя воспоминаниями о знаменитом госте. Только начиная с 1954 года в Баденвейлере вспоминали о Чехове. В 1963 году в память о нем в немецком городке был заложен мемориальный камень, а новый памятник, доставленный в подарок из Сахалина, установили лишь в 1992 году.

Сегодня южногерманский курорт Баденвейлер – побратим Таганрога (да и трудно их теперь развести в памяти о Чехове). В нем работает музей «Чеховский салон» и Немецкое общество имени Чехова. А несколько лет назад немецкая и российская делегации заложили вишнёвый сад-символ. На крохотной площади, что под балконом гостиницы «Зоммер», стремится ввысь бронзовая чайка – подарок от Свердловской и Ростовской областей.

Зеркало

До чего же жарко. Даром, что горный курорт... Антон Павлович закашлялся и откинулся в шезлонге. Рассеянно смахнул надоевшее пенсне, и, разминая переносицу, зажмурил глаза. Душный, сонный мир Баденвейлера калейдоскопом рассыпался на переливающиеся круги и ромбы, жёлтые мигающие пятна. Даже голова слегка пошла кругом. Не стало ничего и никого – России, Германии, этого городка на водах, балкона с металлической ажурной оградой на втором этаже... Зачем он здесь?

– Подышать приехал, – отозвался внутри кто-то зло. – Сам же хотел подальше от родни, от друзей...

Почему-то стало пусто на сердце. Жить лишь для того, чтобы помереть, право, не слишком забавно, но жить, понимая, что уйдёшь преждевременно, – уж и вовсе глупо и пошло. Вспомнилась однажды услышанная фраза от больного чахоткой мужика: «Ничего не поможет, барин. С вешней водой уйду».

Его вновь накрыл рвущий грудь кашель. И тут же мелькнуло: вот так и мне надо бы – уйти, растаять где-нибудь в родных приазовских степях, по весне, когда талая вода комкает стонущий лёд и тащит его в море. Когда одичавший за зиму ветер, жгучий и влажный, тычется в лицо, и надышаться им нету сил... И главное – уйти без этой глупейшей немецкой чепухенции – желудёвое какао, варёные телячьи мозги, рис и топлёное масло. Бр-р! Прав был дружище Гиляй, прав: в наших платовских целинных землях только ещё и можно сыскать покой. Да и кануть, словно и не было тебя на белом свете.

Потянулись невнятные звуки музыки из городского сада. Как всегда торжественно и бездарно. Что ж, следовательно, уже полдень. Антон Павлович так и полулежал, не размыкая глаз. Из дверей почты, что напротив его балкона в гостинице «Зоммер», сейчас должен выйти почтмейстер герр Леманн, поправить высокую фуражку с блестящей кокардой и покатить по безлюдным улочкам на зелёном велосипеде с объёмистыми корзинами – собирать письма господ отдыхающих и добропорядочных бургеров. Так, а теперь – Антон Павлович аж замер в предвкушении – герр Леманн должен на углу нажать пару раз на рожок сигнала.

Он приоткрыл глаза. Велосипед почтмейстера как раз застыл на перекрёстке, и тотчас послышалось кряканье рожка. Антон Павлович насмешливо фыркнул во всклокоченные усы. Ни в чем не чувствуется и одной капли таланта. Ни капли вкуса, но зато порядок, предсказуемость и честность, хоть отбавляй... О, братие! Не будьте же столь благомысленны! Жизнь скоротечна! Антон Павлович досадливо поморщился. Без пошлостей, милостивый господин больной, держите планку. Не третируйте безобидного герра Леманна, на нем мир держится. Скучайте сами себе на здоровье. Он оглядел безжизненную улицу. А и действительно ску-у-ка! И чего я сюда привёлся?

Надо бы мне письмо Маше отписать, пусть сестра не волнуется зазря. Что-нибудь в этом роде: «Милая Маша, у меня все благополучно! Здоровье моё становится все лучше, крепче, ем я достаточно. Кстати сказать, я уже сплю хорошо, как и прежде, очевидно, дела мои по части здоровья пошли на поправку по-настоящему. Хочется отсюда поехать на итальянское озеро Комо и пожить там немножко. Скоро буду еще писать. Целую тебя и желаю всяких благ. Твой старец Антоний».

Антон Павлович собрался с духом и поднялся. Отдышался. Пора перебираться в комнаты. На сегодня уже все, нагулялся. Даже загаром покрылся, что твой малаец. Он сделал пару шагов и снова отдышался. Рука легла на горячую в полуденном солнце медную ручку балконной двери. Что же Ольга? Вернулась? Не хотела беспокоить? Или ещё в делах? За рифлёным стеклом ничего не было видно. Он потянул дверь на себя и нарочито бодро прогнусавил:

Эй вы, хлопцы, где вы, эй!

Вот идёт старик Аггей.
Он вам будет сказать сказку
Про Ивана и Савраску...

В просторной зале, что служила Антону Павловичу и спальней, и кабинетом, никого не было. Тихо было и в соседней комнате у жены. Он доковылял до комода, стоящего в простенке, и остановился отдышаться. Хорошо, что Ольга вколола не жалеючи ему сегодня с утра морфий от болей в груди. Но вот одышка... Будь она неладна. Он повернулся сделать шаг, и тут взгляд его зацепился за прямоугольное зеркало над комодом. Антон Павлович невольно вздрогнул и зашарил в кармане пиджака в поисках пенсне. Зеркало? Опять? И что, позвольте, на этот раз прикажете в нем высматривать? Ведь давеча просил же Ольгу вовсе убрать. Сил уж нет съезжать с места на место из-за этих мерцающих зеркал. Сперва гостиница «Ремербад», потом пансион «Фредерике». И везде в зеркалах, что на стенах, что в трюмо, все последние дни при его приближении что-то мелькало, куролесило. То ли лица чьи, то ли ещё что. Ольга послушно осматривала их, естественно, ровным счётом ничего не находила, но они вновь съезжали. Теперь вот и «Зоммер» туда же.

Антон Павлович, наконец, кое-как нацепил пенсне и взгляделся в зеркальную гладь. Ничего. Абсолютно. Странно даже. Он осторожно провёл рукой по слегка запылённому стеклу. И тотчас вслед его пальцам с той стороны проявилась детская ладошка, повторяющая его движение. Что за черт...

Антон Павлович застыл. Но вот ладошка, уже самостоятельно словно протерла зеркало изнутри, и он увидел мальчугана лет пяти, взбравшегося в небольшой комнатёнке на стул и глядящего в зеркало прямо на него. Антон Павлович медленно, не поворачивая головы, оглядел комнату за мальчишкой. Справа от стула на короткой деревянной кровати кто-то громоздкий лежал под стёганым одеялом. В углу висели портреты каких-то людей, отсюда не разберёшь.

Было тихо. Только где-то там, в зазеркалье, тикали ходики. Мальчуган продолжал пытливо смотреть прямо на Антона Павловича, старательно шевеля губами. Большелобое лицо его было не то что знакомо, а бесконечно родное, близкое...

– Дя-дя! Дя-дя! – наконец догадался Антон Павлович, что шепчет малец. Это он – Дя-дя!
– Сашко!

Антон Павлович вздрогнул и покачнулся.

– Сашко! Вот же неслух, отойди от зеркала! Ступай, одеваться будем, – женский приглушенный голос из далёкого детства вывел Антона Павловича из оцепенения. – Видишь, мамка хвора, ко мне нынче с Николашей пойдёте.

Сашка? Николаша? И бабушка?! Да что он видит в этом чертовом немецком зеркале? Пятилетний старший брат Антона Павловича Сашка шмыгнул со стула на бабушкин голос куда-то влево и исчез за дверным проемом, что был напротив зеркала, Антон Павлович теперь разглядел в следующей комнате круглый стол с пыхтящим самоваром и сидящего подле него молодого отца со склоненной головой. То, что это был его отец, Антон Павлович уже ни на минуту не сомневался. К нему поднырнула укутанная в платок женщина и затараторила: – Ступай, Павел Егорович, ступай, родимый. Нечего тебе туточки делать, зараз наше, бабье дело. Ступай, не тревожься, примем твое дитяtko в лучшем виде. Чай не впервой в повитухах. Ступай, да имечко дитяtkе в святцах глянь, а мы тут сами, сами, а ты ступай, ступай...

Павел Егорович выпрямился, разгладил бороду.

– И то верно, Пелагея Герасимовна. Пойду в церковь, помолюсь во здравие да об успешном разрешении от бремени драгоценнейшей супруги.

Антон Павлович зашёлся кашлем и отступил назад, потом сделал ещё шаг, и ещё, пока не упёрся в кровать. Зеркало же стало блекнуть: и отец, и самовар, и кровать с одеялом, и стул,

так и оставшийся стоять посреди комнаты, истаяли до смутных теней. Остались в отображении лишь он сам да его ненавистная кровать. Наваждение кончилось.

– Эко ты, братец, неважно выглядишь. Захворал неужто? – Антон Павлович криво усмехнулся сам себе высохшими губами и с трудом опустился на разобранную постель.

– Захворал – так полейся. Работы столько, а ты по курортам валяешься, бока греешь...

– С кем это ты, дуся, говоришь? – голос жены внезапно возник где-то у дверей. – Я от доктора Шверера. Ты в постели? Прибыл наконец-то из Фрайбурга твой фланелевый костюм. Теперь тебе будет удобно гулять в эту несносную жару. Ты рад, дуся?

Антон Павлович откинулся на подушки и зачем-то ещё раз покосился на зеркало. Оно уже не казалось чужим и пугающим. Надо же, Сашку мальцом увидел, отца... Это сколько ему тогда было? А на кровати, стало быть, матушка лежит на сносках? И кого они ожидают? Постой-ка, постой... Если Сашке лет пять да Николка уже следом через два года родился, то... Третий-то был я! Это же во флигеле на Полицейской! Это же 17 января! Антон Павлович покрылся испариной. Глаза его с мольбой устремились к зеркалу. Господи, покажи! Ещё самую малость покажи!

– Дуся, как тебе дышится? Герр Шверер разрешил тебе пить кофе и назначил кислород и инъекции наперстянки. Он уверен, что ты быстро пойдёшь на поправку, – Ольга Леонардовна все говорила и говорила, с тревогой поглядывая на молчащего мужа. – Ну, дуся, не хандри же! Сейчас я тебе морфий впрысну. Из Санкт-Морица пришло письмо от Потапенко, я тебе позже прочту.

Антон Павлович повернул к ней голову и тихо произнёс: – Милюся, а я новый рассказ пишу, – он печально улыбнулся. – Представь, богатые постояльцы популярного отеля собираются в столовой в предвкушении обильного ужина. Фраки, визитки, дамы в драгоценностях. И у всех настоящий животный голодный блеск в глазах. И тут выясняется, что знаменитый повар, ради искусства которого они все и съехались, скрылся в неизвестном направлении, бежал, не приготовив им и омлета. Вот, милюся, настоящая трагедия нынешнего времени. А теперь дай мне кофе, ужасно соскучился.

Пока жена отправилась заказывать в ресторации при отеле кофе, Антон Павлович спустил ноги с кровати, передохнул, отдышался и медленно поднялся. До зеркала было шагов пять. Сейчас бы камфары, чтобы раздышаться. Хотя в его положении от одышки единственное лекарство – это вовсе не двигаться. Прошли мучительные минуты, прежде чем он вновь коснулся зеркальной рамы. По его поверхности тут же прошла одна волна, вторая... Теперь в комнате домика Болотова (или Гнутова? Что же там мать рассказывала?) было многолюдно. Одни женщины споро носили в ушат на стуле горячую воду, другие драли тряпки на лоскуты. Мать Антона Павловича полулежала в короткой кровати на груди подушек и терпеливо постанывала.

– Да у них и доктора-то нет! – мелькнуло у Антона Павловича. – Вдруг что не так пойдет, успеют ли послать? Да что же это...

Он упёрся лбом в зеркальную поверхность, стараясь лучше разглядеть, что творится на кровати.

– Антон! Зачем ты здесь?! – Ольга Леонардовна стояла у постели мужа. В руке ее мелко позвякивала чашка с кофе. – Прости меня, дуся, сейчас же зеркало вынесу вон!

– Оставь, я просто... Вот решил глянуть на себя напоследок. Неудивительно, что от меня уже лошади шарахаются.

– Бог с тобой, какие лошади! – она сунула чашку на прикроватный столик и обняла мужа. – Тебе покой нужен, ты ляг, дуся, поспи, а я рядом буду, почитаю тебе.

Антон Павлович неохотно оторвался от зеркала и прошептал:

– Бог тебе в помощь, матушка...

Спал он беспокойно. Снился какой-то тонущий моряк, потом племянник Коля. А когда проснулся глубоко ночью, то долго лежал в темноте, приходил в себя. В комнате никого

не было, лишь из-за прикрытой двери доносились сдержанные распоряжения Ольги, какая-то возня и сухой треск битого льда. От зеркала сочился едва различимый желтоватый свет. Как бы ему хотелось вновь прильнуть к его прохладному стеклу! Боже, дай же мне сил, дай!

– Дуся, проснулся? Сейчас я лёд тебе на сердце положу. Тебе легче и станет.

– А разве на пустое сердце лёд кладут? Ему и так холодно, – Антон Павлович сказал и сразу сконфузился. Уж очень пафосно вышло, как во французских мелодрамах. – Милюся, пошли-ка за доктором.

Он лежал и смотрел на недоступное мерцающее зеркало, все ещё надеясь увидеть там что-то самое главное, открыть для себя самую важную, самую нужную тайну. Доктор Шверер обстоятельно прощупал его пульс, сделал укол морфия. Антон Павлович отдышался и, приподнявшись, глядя ему в глаза, чётко произнёс:

– Ich sterbe!

Отведя взгляд, врач привстал, склонив голову. Затем уже Ольге Леонардовне сделал знак рукой, и та молча подала открытую бутылку шампанского.

Антон Павлович осушил бокал, протянул его Ольге.

– Давно я не пил шампанского.

Затем он пристально посмотрел в последний раз на зеркало, и, повернувшись на левый бок, затих. Он лежал и сквозь наваливающуюся смертельную дрему слушал главную свою тайну – далёкий плач новорождённого ребёнка, его плач, Антоши Чехова...

1 Ich sterbe (немец.) – я умираю.

Улица Шмидта

Мало-Биржевая
Мало-Греческая

Один из самых тихих и уютных уголков старой части Таганрога на краю высокого морского берега над Пушкинской набережной. С первых же дней его облюбовали богатые negociанты и местные чиновники. Здесь же располагались в начале XIX века первая таганрогская таможня и биржевая зала. Даже перед Октябрьской революцией улица насчитывала всего 17 домов. Тем не менее большинство из них примечательны своей историей, а то и неординарностью облика.

Среди них сохранившиеся:

ул. Шмидта, 10 – дом Кудрина;

ул. Шмидта, 16 —дом Волковой/ Реми;

ул. Шмидта, 17 – дом Папкова/Реми;

ул. Шмидта, 21 – дом Ворошилкина;

и, увы, не сохранившиеся:

ул. Шмидта, 2 – дом Перушкина;

ул. Шмидта, 14 – дом Николаева (мореходная школа);

ул. Шмидта, 19 – дом Варваца.

ул. Шмидта, 10

Дом Кудриных

Одно из старейших и колоритнейших зданий Таганрога было построено на берегу залива в 1815—1825 годах по проекту архитектора Дюпона де Ларю, возглавлявшего в те годы Строительный комитет Таганрога.

Одноэтажный дом с полуподвалом и большим парадным входом, украшенным треугольным фронтоном, поддерживаемым двумя колонами и двумя полуколоннами, прочно вписался в общий строй Мало-Греческой улицы, внося в него вольный дух далёкой Эллады. Много лет домом владела семья таганрогского купца 2-й гильдии Якова Кудрина, чьи потомки успешно торговали в Таганроге скобяными изделиями и лесом, были членами коммерческого суда, юристами. Мраморный памятник, в виде ствола дерева с обрубленными ветвями и крестом, установленный на могиле сына основателя династии Кудриных, Антона Яковлевича (1840—1901), бывшего харьковского нотариуса и потомственного почётного гражданина, до сих пор один из самых приметных на старом таганрогском кладбище.

В 1910 году квартиру в доме снимал директор Коммерческого училища, действительный статский советник, литератор, писатель-мемуарист Евгений Михайлович Гаршин, родной брат писателя Всеволода Гаршина. Образование он получил в Петербургском университете, окончив в 1884 году историко-филологический факультет. Затем преподавал словесность в петербургской гимназии Гуревича и Литейной женской гимназии. В конце 70-х годов начал печататься в газетах и журналах, выступал со статьями и очерками о писателях, с мемуарами о брате, о его современниках. Отдельными изданиями у него выходили книги: «Новгородские древности», «Курганы, их раскопки, исследование и нахождение кладов», «На берегах Донца», «Дети-Крестоносцы» и др.

В конце 80-х годов XIX века пути А. П. Чехова и Е. М. Гаршина заочно пересекаются на ристалищах литературных сражений. В письме А. Н. Плещееву 10 ноября 1888 г. Антон Павлович пишет: «Читали ли Вы наглуго статью Евгения Гаршина в „Дне“? Мне прислал ее один благодетель. Если не читали, то прочтите. Вы оцените всю искренность этого злополучного Евгения, когда вспомните, как он раньше ругал меня. Подобные статьи тем отвратительны, что они похожи на собачий лай. И на кого лает этот Евгений? На свободу творчества, убеждения, лиц... Нужно дуть в рутину и в шаблон, строго держаться казёнщины, а едва журнал или писатель позволит себе проявить хоть на пустяке свою свободу, как поднимается лай».

Но в начале 1900-х годов, когда Евгений Гаршин переезжает с семьёй в Таганрог, чтобы возглавить Коммерческое училище, Антон Павлович в письме своему двоюродному брату Владимиру Митрофановичу уже передаёт ему поклон.

19 ноября 1904 года в ростовской газете «Приазовский край» выходит статья Е. М. Гаршина «Чеховский кружок», в которой он сообщает о создании объединения людей, любящих и ценящих творчество Чехова, о его целях и о проекте устава.

В прошении на имя наказного атамана Войска Донского Евгений Михайлович пишет: «Несколько лиц, проживающих в г. Таганроге, выразили желание почтить память уроженца г. Таганрога, скончавшегося 2 июля 1904 года писателя Антона Павловича Чехова, устройством в г. Таганроге литературного кружка под наименованием „Чеховский кружок“, посвященного изучению Чехова как писателя и человека, уполномочили меня ходатайствовать перед вашим превосходительством о разрешении такого кружка и утверждении его устава». В работу кружка включаются и ближайшие родственники Чехова, а также доктор Шамкович – товарищ Чехова по Таганрогской гимназии, Тараховский – редактор таганрогской газеты «Приазовская речь», Лонткевич – инспектор и преподаватель словесности Таганрогской мужской гимназии. Лагутинский – преподаватель литературы Таганрогского технического училища, Л. И. Блонская – сестра художницы Серафимы Блонской, директор Таганрогской мужской гимназии А. Н. Гуса-

ковский, преподаватели Таганрогского коммерческого училища А. Д. Дросси и А. Н. Лицын, врачи П. Ф. Иорданов и Г. Я. Тарабрин, агроном В. А. Миллер и другие. Членами кружка являлись также писатели В. Г. Тан-Богораз и В. А. Гиляровский. В общей сложности к 1909 году кружок собирает более 30 активных членов. Они стараются оказывать научную и финансовую помощь библиотеке и музею имени Чехова, изучают творчество Антона Павловича, местные архивы, устраивают литературные и театрализованные вечера, собирают по крупицам воспоминания о жизни и деятельности своего великого земляка.

14 января 1910 г. Гаршин пишет таганрогскому городскому голове: «Общее собрание членов Чеховского кружка в г. Таганроге 13 сего января постановило ходатайствовать перед Таганрогским городским управлением о том, чтобы Таганрогское городское управление приобрело в собственность от г-жи Коваленковой принадлежащее ей дворовое место по Чеховской улице, №47, с постройками на нем, по улице и во дворе, имея в виду охранение в неприкосновенности небольшого домика, в глубине сего двора находящегося, в котором родился Антон Павлович Чехов... Вместе с тем могу добавить, что г-жа Коваленкова заявила мне о готовности своей продать вышеуказанное своё имение за 10 тысяч рублей.

Председатель совета Е. Гаршин».

Лишь спустя пять лет Таганрогская городская управа, наконец, выкупила у частных лиц домик, в котором родился Антон Павлович, а ныне существующий музей открылся в нем лишь после Октябрьской революции, в 1926 году.

12 февраля 1910 г. на общем собрании Чеховского кружка были приняты решения о постановке своими силами чеховского спектакля и об издании чеховского сборника с материалами об его жизни и творчестве. Активно участвовала в жизни города и супруга Гаршина, Елена Дмитриевна. Она совместно с Николаем Александровичем Реми – сыном А. Г. Реми, героем рассказа «Два гусара», организовала летний детский сад, вела работу в Чеховском кружке. Но вскоре семья Гаршиных покинула Таганрог в связи с переездом в Симферополь на службу в коммерческое училище Симферопольского купеческого общества, и издание чеховского сборника сорвалось, да и активная деятельность Чеховского кружка заметно снизилась.

О дальнейшей жизни Евгения Михайловича Гаршина в советское время известно крайне мало. Известно лишь, что скончался он в Ленинграде в 1931 году. Его по праву считают одним из несправедливо забытых общественно-литературных деятелей России конца XIX – начала XX века. С именем Гаршина в Таганроге связана ещё одна, довольно странная история. Вечером 7 февраля 1910 года в окно его квартиры был произведён одиночный выстрел из пистолета системы браунинг, о чем свидетельствовала пуля, найденная впоследствии на полу кабинета.

Выстрел

Из дневника Ляли Сфаэлло:

«3 февраля 1910 года.

О, как несносен бывает П.С.! Убила бы! Сверкает своим золотым моноклем, смеется. Давеча гуляли с ним в заснеженном городском парке, пробирались по редким протоптанным дорожкам среди деревьев, разговаривали об искусстве, шикарном великолепии его прекрасного упадка. Как ярко и значительно П.С. рассуждает о всеобщем безверии и гибели старых богов, о новой морали и грядущем сильном человеке! Как страстно он воспекает неизбежную агонию мира! Я смотрела на него и мечтала...

П.С. взял меня под руку, а когда я едва не оступилась, быстро сжал мою ладонь под муфточкой. Я ждала поцелуя, но... Как всегда с нами увязались Кандояки и Чибриков. Тоже мне, доморощенные декаденты. Петруша Кандояки мнит себя байроническим типом, непрестанно хмурит напوماженные бровки и изрекает пустые банальности. Фи! А Чибриков просто дурак, дает волю рукам, стоит П.С. только отвернуться. И ничего он не смыслит в поэзии! Зачем только вьётся вокруг П.С. и меня?

Они все – чернь у трона сильных людей! Я же была в ударе и неотразимо, как умею только я, декламировала стихи. Мой голос необыкновенно дрожал и вибрировал, как космические струны Вселенной! Бездари Кандояки и Чибриков сразу поверили, что стихи мои. Обзавидовались. Ха-ха-ха!

За Дьявола Тебя молю,
Господь! И он – Твоё создание.
Я Дьявола за то люблю,
Что вижу в нем – моё страданье.
Борясь и мучаясь, он сеть
Свою заботливо сплетает...
И не могу я не жалеть
Того, кто, как и я, – страдает.
Когда восстанет наша плоть
В Твоём суде, для воздаянья,
О, отпусти ему, Господь,
Его безумство – за страданье.

Один П. С. сразу узнал строки Зинаиды Гиппиус, и так многозначительно посмотрел, что меня даже пробрало. Он так тонко чувствует поэзию, красоту и боль моей израненной души. Нет, я решительно влюблена! Как же прекрасно жить в одно время с П.С., дышать с ним одним воздухом свободы!

Р. S. Какая же я слабая и трусливая – не могу даже в дневнике написать, о чем я мечтала и что воображала, глядя на высокую лёгкую фигуру П.С. в неизменной клетчатой паре. Мне ещё долго надо трудиться над собой, ломать себя, чтобы быть достойной П.С.»

«5 февраля 1910 года.

Какая же я дура! П.С. уже второй день не даёт о себе знать. Он меня забыл? Бросил? Нет сил вынести бесчеловечную муку! Уж лучше мне нынче же наложить на себя руки и в ослепительно белом платье лежать в гробу, обитом черным с проблеском бархатом (недавно такой видела в лавке мадам Шольц). Вокруг пусть будут горы увядших цветов с нежными жёлтыми лепестками, едва-едва пахнущими, и негромкая трогательная музыка.

Одинокая скрипка... И плачущий П.С. у моего бездыханного тела... О, как он пожалеет, коварный!

В обед заходил Кандояки и жаловался на Гаршина, директора коммерческого училища. Замшелый чинуша не приемлет молодое поколение, помешан на своём Чехове и Пушкиных-Некрасовых. А как же новые яркие гениальные поэты? А, господин Гаршин? Бедный Петруша весь измучился от такого непонимания. Я так же задыхаюсь в купеческом пошлом Таганроге! И когда только П.С. меня увезёт в неведомые дали?

Кандояки лез целоваться, а сам ногтей не стрижёт и не красит. Написал мне в альбоме стишки: «Белый цвет – эмблема невинности. Поэтому-то гимназистки любят пудриться».

Разве можно быть таким бестолковым декадентом? Свою невинность я брошу к ногам растоптать только П.С., лишь ему одному. Но когда же, когда?!

P. S. Вечером телефонировал П.С.! Он назначил мне randevu у памятника Петру на Петровской! Есть ли люди счастливее меня в целом мире и в Таганроге?!»

«6 февраля 1910 года.

Вчера П. С. долго расспрашивал Кандояки об ужасном удушающем положении в коммерческом училище, где зверствует господин Гаршин. Потрясённый до глубины души, П.С. слушал о том, как директор зажимает все новое, свежее, решительно не принимая, что его затхлое время ушло. Кандояки, что некстати приперся незванным на наше с П.С. свидание, театрально грозился свести окончательные счета с директором-деспотом. И тут... П.С. с улыбкой вынул из своего клетчатого пальто небольшой серебряный пистолет и протянул его Петруше. Что тут началось! О Боже!

Петруша основательно струсил и предательски ретировался, что, впрочем, было весьма вовремя. Чего можно было ожидать от черни? Они недостойны внимания П.С.! И тогда П.С. повернулся ко мне, и его сумрачный взор, прожигая монокль, заглянул в самые отдаленные тайники моей бездонной души. Он словно звал меня, взывая подняться над жалкими людишками, воспарить в inferнальные пространства, где место только нам, и только нам, сильным и свободным. И я сама вынула пистолет из его руки. Я все для него сделаю!

О, как он благодарно он дотронулся до моего запястья, как я вся затрепетала! Одно только у меня мелькало в голове – нынче же я буду его! Непременно! И я даже не заметила, как все и случилось – его горячие, сильные губы коснулись меня. Можно ли доверить страницам, что было далее? Я была в его власти. Нет, и не будет для меня ничего недостижимого, чего я не сделаю ради этого человека! Завтра я совершу для него свой подвиг!»

– Елена Дмитриевна, послушай, мой друг, ещё одно объявление, – Евгений Михайлович поднёс сложенный пополам «Таганрогский вестник» поближе и, близоруко щурясь, зачитал: «Гимназистки седьмого класса устраивают 18 февраля вечер в помещении технического училища. Сбор с вечера поступит в пользу недостаточных учениц. В качестве исполнительниц музыкальных и литературных номеров выступят учащиеся». Надо бы поучаствовать, как думаешь? Да и своих направлю из коммерческого, пусть внесут лепту в благое дело. А сейчас давай-ка чаёвничать, чего на сухомятку вечер коротать. Прикажи самовар подать.

Пока мадам Гаршина, поправив сползающую шаль, в приоткрытую дверь столовой кликала прислугу, Евгений Михайлович отложил газету и, откинувшись на стуле, привычно забарабанил в задумчивости по столешнице что-то из Чайковского.

– И ты знаешь, друг мой, давеча на Петровской у «Бристоля» одна гимназистка, кажется, воспитанница мадам Янович, так странно на меня глянула, когда мы случайно столкнулись, с каким-то дерзким вызовом. И словно электрическим разрядом ударило! – Гаршин слегка хлопнул ладонью. – Нет, не понимаем мы нынешнее поколение, не ведаем, что с ним происходит, куда оно идёт и кто вожди его. И это пугает. Надо ежедневно трудиться над его воспитанием и образованием, а мы... Что-то оно будет через десять-двадцать лет, когда нынешние

молодцы и красны девицы полностью войдут в жизнь? Чем обернётся их нынешнее неверие и скептицизм? Да-с...

Тёплый свет падал из-под абажура на белую в синих васильках скатерть, стекал далее в золотистый полумрак столовой, выхватывая стулья в льняных чехлах, величавый дубовый резной буфет, кадку с подсохшим фикусом. Сквозь прикрытые ставни едва-едва сочился февральский придремавший вечер.

– Евгений, все образуется, – Елена Дмитриевна накрыла ладонью руку мужа. —

Вспомни, как нас самих ругали в восьмидесятые? И нигилисты мы, и нет ничего святого для нас, Россию с нами хоронили. А теперь-то? Все нигилисты сплошь профессора да писатели. Так что и эти в люди выйдут, дай только срок.

В комнату вплыл тихо урчащий самовар. Его слегка помятые бока в пухлых руках кухарки описали дугу и, блеснув выдраенной медью, устроились на столе почти под самым абажуром.

– А вот и чай. Ты не забыл, кстати, что через неделю собрание чеховского кружка? Надо бы всех оповестить. Видела как-то Лонткевича. Он поддерживает твою идею о чеховском спектакле и сборнике. Да и Тараховский недавно в «Приазовской речи» о постановке Чехова писал в редакционной статье.

– Теперь бы денег насобирать на все это.

– А помнишь свою первую статью в «Дне» про Антона Павловича? За малым с ним тогда не разругались. Кто мог думать, что потом так обернётся.

– Ну, не все в его раннем творчестве было однозначно, – Гаршин конфузливо поморщился. – Да и я несколько погорячился...

Елена Дмитриевна примирительно улыбнулась и подвинула чашку под носик самовара... Резкий фейерверк звуков из кабинета словно подтолкнул ее руку, и фарфор пугливо звякнул о доньшко самовара.

Гаршины разом вскочили.

– Оконное стекло?

– Ты тоже слышал?

Евгений Михайлович шагнул к двери в кабинет. Нащупав фаянсовый выключатель и дождавшись, когда, помигав, разгорится лампочка, он остановился в шаге от порога и обвел комнату взглядом. У кафельной печи валялась россыпь осколков. Евгений Михайлович, слегка нагнувшись, осторожно всмотрелся. Осторожно подобрал искорёженную пулю.

– Ах, вот оно что! – он с опаской подошёл к закрытому внутреннему ставнем окну. В паре десятков дюймов вверх от подоконника зияла внушительная дыра. – И переплётые обеих деревянных рам пробила, надо же... Елена Дмитриевна, срочно телефонируйте в полицию! Это пуля! В нас стреляли!

Евгений Михайлович заглянул в дыру, зачем-то провел пальцем по торчащим по ее краям щепкам и, оглядываясь, покинул кабинет. В прихожей он наскоро накинул на плечи пальто и выбежал на крыльцо. Лёгкая позёмка хороводила по пустой Мало-Греческой. Лишь вдалеке, у дома Варваци, мелькнул одинокий силуэт.

– Любезный! – Евгений Михайлович торопливо сбежал по ступенькам. – Вы никого здесь не видели? Да постойте же!

Силуэт на миг застыл. Гаршин был уже в шагах десяти от него, когда разглядел длинное женское пальто и меховой платок.

– Сударыня, прошу прощения, но только что стреляли и...

Из-под платка на него зыркнул знакомый взгляд серых глаз с дерзким вызовом. Ещё мгновение, и девушка, вскрикнув: «Пётр Степанович!», нырнула в переулочек и вскочила в поджидавшую коляску. Евгений Михайлович, побежав следом, едва успел рассмотреть, как возникший в клетчатом плаще щёлкнул кнутом, и экипаж растаял в снежных сумерках...

ул. Шмидта, 17 Дом с мезонином

Дом градоначальника Папкова или как его ещё иногда называют – Дом с мезонином – одно из удивительнейших зданий Таганрога, связанное с известными именами в истории России. Прежде всего, это сам хозяин – третий таганрогский градоначальник, генерал-майор Петр Афанасьевич Папков – личность ярчайшая, даже по тем неординарным временам. Происходил он из дворян Екатеринославской губернии. Начальное образование получил, как водилось тогда, дома, и в 1784 году, в возрасте 12 лет, был записан вахмистром в Таганрогский драгунский полк. Но настоящая служба его началась в Астраханском, а затем продолжилась в Тифлисском драгунском полках. Прошёл он русско-турецкую войну 1787—1792 гг., участвовал во взятии крепости Анапы. Затем следом попал на русско-польскую кампанию 1792—1794 гг., где был в сражении при Мациовицах, штурмовал под началом Суворова Прагу – предместье Варшавы. С апреля 1796 года Папков в Персидском походе и отличился при осаде и занятии Дербента, а также в других сражениях, дослужившись до капитанского звания. 3 августа 1800 года из рук императора Павла I он получил орден Св. Иоанна Иерусалимского, а осенью того же года стал полковником.

По воспоминаниям русского композитора и музыкального критика барона Б. А. Фитингофа-Шеля, внучатого племянника Петра Афанасьевича, в начале 1800-х годов Папков служил несколько лет в артиллерийском управлении под началом А. А. Аракчеева, а в 1806 году возглавил 14-ю артиллерийскую бригаду в чине бригадного командира. С нею он и принял участие в войне с Наполеоном, славно сражаясь при Гутштадте, Гейльсберге и Фридланде, за что получил прусский орден «Pour le Mérite». В декабре 1807 года уволился со службы в отставку с награждением генерал-майорским чином. Но с 1808 по 1810 год Пётр Афанасьевич вновь находился на государственной службе. На сей раз на посту санкт-петербургского обер-полицмейстера, где также отличился и при переводе в таганрогские градоначальники был награжден орденом Георгия III степени. 31 января 1810 года Папков становится Таганрогским, Ростовским, Нахичеванским и Мариупольским градоначальником, главным попечителем купеческого судоходства по Азовскому морю и начальником Таганрогского таможенного округа, навсегда войдя в историю Приазовья. Вскоре после его вступления в должность на побережье Чёрного моря обрушивается чума. Опасаясь её скорого появления в Таганроге и других подвластных ему городах, Петр Афанасьевич воспрещает заход всех судов в Азовское море через Керченский пролив, не испросив на то даже дозволения высших властей. Что, впрочем, было свойственно Папкову, памятуя о его драгунском прошлом. И результаты впечатляют: от Приазовья было отведена страшная чума 1812 года, натворившая немало бед в других южнорусских провинциях империи. Но это решение имеет и другие последствия – из-за затянувшегося карантина Таганрог начинает терять своё значение как торгового порта, уступая первенство Одессе, извечной своей конкурентке. Одесское купечество и чиновничество активно продвигает идею о навечном затворении Таганрога в берегах лишь Азовского моря, перекрыв проход в Керчи, оставляя себе главную роль посредников при торговле хлебом.

Такая политика приводит к тому, что к 1815 году европейские цены на хлеб безудержно растут, а Одесса и Феодосия не справляются с нахлынувшими иностранными судами, из-за чего многие уходят пустыми. И снова Пётр Афанасьевич проявляет себя как истинный патриот города. Оставив пустые многомесечные хлопоты о возобновлении свободного плавания по Азовскому морю, он самовольно распоряжается открыть Керченский пролив. И через год, благодаря хлынувшим в порт за хлебом судам, Таганрог заметно оживает. Тут-то воодушевленный возросшим пополнением городской казны градоначальник и берётся за обустройство

вверенного ему города и реконструкцию Таганрогской гавани. Правда, в делах ему часто вредит его всегдашняя грубость с подчинёнными, что вскоре плодит массу влиятельных врагов и недоброжелателей, особенно в среде греческого магистрата и купечества, неохотно расстающегося со своими давними торговыми преференциями.

Все это, а также нарушения по финансовой части, впрочем, вполне обычными для того времени, и послужит поводом для создания сенатской ревизии градоначальства, которая выявит упущения и недостатки, вследствие чего Пётр Афанасьевич Папков и покинет пост. Карьера его закатится, в этот раз уже навсегда. В отставке он поселился в своем имении – селе Красный Кут Славяносербского уезда Екатеринославской губернии, купленном еще в 1812 году у П. И. Штерича (1250 душ крепостных крестьян, 7 тысяч десятин земли), с головой погрузившись в разведение тонкорунных овец и ангорских коз. Да так, что стал членом Главного Московского общества улучшения овцеводства. Из-под его пера выходит ряд научных статей по проблемам овцеводства в «Журнале овцеводства»: «О стаде тонкошёрстных овец» (1833), «Об ангорских козах» (1833) и «О продаже ангорских коз» (1839). Кстати, не чужд был Петр Афанасьевич и промышленного производства: благодаря его стараниям в имении было налажено изготовление сукна на построенной им собственной фабрике.

Дом его после отъезда из Таганрога становится доходным. С 1847 по 1856 год в нем квартирует будущая мать А. П. Чехова, Евгения Яковлевна Морозова. Ей не было ещё 12 лет, когда умирает её отец, Яков Герасимович Морозов, «комиссионер по суконной части» отставного градоначальника, и она вместе с матерью и сестрой переезжает из Шуи в Таганрог, где им и помогает устроиться Петр Афанасьевич. Проживал в этом доме одно время, в 1854—55 годы, после свадьбы с Евгенией Яковлевной и отец писателя, Павел Егорович Чехов. Может и потому ещё, кроме архитектурного сходства, написанный Антоном Павловичем рассказ «Дом с мезонином» связывают с домом градоначальника.

В 1853 году, когда хозяин дома – неугомонный Петр Афанасьевич почивает с миром, особняк по наследству отходит племяннице Папкова баронессе Фитингоф, а уже ею продаётся помещику Миусского округа Области Войска Донского генерал-майору Александру Гавриловичу Реми, личности столь же незаурядной, как и градоначальник, и оставившей заметный след в жизни Таганрога и Дона. Кстати, женат Александр Гаврилович был на правнучке легендарного донского атамана Матвея Платова.

Семья Реми была из французских гугенотов, бежавших в XVI веке в Швейцарию от преследования во Франции. Отец Александра Гавриловича, Жан-Габриэль (1760—1822) начал карьеру военным инженером в Голландии, но в 1787 году перешёл на службу в Российскую армию, где крестился в православии и под именем Гаврила Павлович участвовал в войнах с Турцией, отличившись в боях под Тульчей, Исакчей и при взятии Бендер и Измаила. При штурме последнего, получив контузию и ранение в руку, был жалован Суворовым золотым знаком, уменьшающим на три года срок для заслуги ордена св. Георгия. С 1792 года Гаврила Павлович находился при Черноморском флоте, где участвовал как военный инженер в строительстве Севастополя и крепости Кинбурн. Реми-старший закончил службу в чине генерал-майора и за 25 лет беспорочной службы был награждён Георгиевским крестом. В 1820—1821 гг., доживая век в Киеве, он состоял «братом 3-й степени» в местной ложе «Соединённых славян» – одной из декабристских организаций «Южного общества». По его военным стопам пошли и три сына. Все они участвовали в бесконечных русско-турецких войнах, в подавлении польского и венгерского восстаний, становились кавалерами многих российских и зарубежных орденов, каждый закончил службу в чине не ниже генерал-майора, став, как их отец, кавалерами ордена Святого Георгия IV класса:

Реми Гавриил Павлович, генерал-майор: №2082, 26 ноября 1809 г.,

Реми Фридрих Гаврилович, поручик: №4653, 25 декабря 1831 г.,

Реми Людвиг Гаврилович, капитан: №682, 1 января 1847 г.,

Реми Александр Гаврилович, полковник: №7774, 26 ноября 1847 г.

Наш же герой, Александр Гаврилович, начал военную карьеру в 1826 г., а в 1839 г. получил чин ротмистра в лейб-гвардии гусарском полку, где служил тогда и Михаил Юрьевич Лермонтов. Они сблизились, часто встречались в салоне Карамзиных, где оба принимали участие в любительских спектаклях. Лермонтов даже подарил Александру Реми свой портсигар (хранящийся ныне в Государственном Лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы»). Кстати, там же в «Тарханах», в комнате Михаила Юрьевича, стоят на столе несколько портретов офицеров лейб-гвардии гусарского полка из той серии акварелей, что когда-то они сами заказали художнику А. И. Клюндеру. Среди них и портрет Александра Гавриловича Реми. В апреле 1840 года, с повышением до подполковника, Александр Реми командирован в Новочеркасск к начальнику штаба Войска Донского Михаилу Григорьевичу Хомутову, своему бывшему начальнику по гусарскому полку, куда и отбывает с попутчиком Михаилом Лермонтовым, едушим в ссылку на Кавказ.

По дороге они заезжают в гости к своему сослуживцу по полку А. Л. Потапову, в его имение Семидубравное, что в 50 километрах от Воронежа. По воспоминаниям Потапова, именно тут Лермонтов перекладывает на музыку свою «Казачью колыбельную песню», что стала со временем народной. Там же, в имении случается и забавное происшествие, описанное в 1877 году по воспоминаниям Потапова в воронежской «Донской газете». У него в то же время гостил его двоюродный дядя, генерал-лейтенант Алексей Николаевич Потапов, командир 3-го резервного кавалерийского корпуса, слышавший грозой офицеров, и Реми с хозяином Семидубравного справедливо опасались встречи генерала с острым на язык опальным поэтом. Однако за обедом грозный вояка настроен был миролюбиво, не задирался и Михаил Юрьевич. А когда Реми с Потаповым-младшим, ненадолго покинув гостей, вскоре вернулись, то обнаружили их в парке играющими в чехарду, да так, что Лермонтов как раз сидел на шее генерала! Узнав впоследствии об опасениях Реми и племянника, генерал-лейтенант рассмеялся: «На службе никого не щажу – всех поем, а в частной жизни я – человек, как и все».

После Семидубравного Лермонтов и Реми гостят три дня в Новочеркасске у Хомутова, и поэт отправляется далее, к месту службы на Кавказе. Сам же Александр Гаврилович исправно несёт много лет службу при штабе Войска Донского, пока не выходит в отставку в 1868 году в чине генерал-майора.

Селится он окончательно в Таганроге, с которым его давно уже связывают многочисленные друзья и деловые отношения. К этому времени он – образцовый помещик обширных земельных владений в Миусском округе (деревни Синявка, Степановка и Ремовка), владелец нескольких домов в Таганроге. Не чужд Реми и благотворительности: на его попечении состоят Благотворительное общество Таганрога и Распорядительный комитет по постройке театра в городе. В 1869 году он принимает участие в работе статистического комитета в ранге помощника председателя. Через два года жизнь его трагически обрывается в железнодорожной катастрофе под Новочеркасском.

Похоронен Александр Гаврилович Реми около церкви Рождества Богородицы близ Новочеркаска, при архиерейском доме.

Что же касается дома на Мало-Греческой, то в 1915 году он безвозмездно передается семьей Реми под санаторий для раненых на полях Первой мировой войны. В 1918 году в нем размещается Союз увечных воинов, а уже в советское время его превращают в «коммуналку». Сейчас это обычный жилой дом.

Два гусара

Только когда раздался свисток кондуктора, тут же внахлёт подхваченный визгом паровика, и состав, дёрнувшись, потянулся вдоль таганрогского перрона, Александр Гаврилович успокоился. А ведь с самого утра, словно заноза ныла в сердце, все что-то неладное чудилось. И подготовленные бумаги, что запросило войсковое начальство в донской столице, были не раз проверены – перепроверены в кожаной папке, и вещи, собранные в дорогу, просмотрены, частью забракованы, частью вновь тщательно уложены в саквояж, а так и осталось ощущение какой-то потери. Причём потери давней, что вспомнилась вдруг и некстати. Александр Гаврилович даже поездку хотел отменить, но домашние подняли старика на смех, а драгоценнейшая супруга Мария Дмитриевна вдобавок такой выговор сделала, чего за ней отродясь не водилось. И только теперь, когда Александр Гаврилович смотрел в окно на уползающий город, на душе наконец-то угомонилось. Будь оно что будет. Он расстегнул верхнюю пуговицу мундира, достал из кармана небольшой темно-зелёный томик «Стихотворения М. Лермонтова» издания Кувшинника памятного 1840 года. Затрёпанная обложка давненько ждала ремонта, но руки как-то не доходили, все недосуг. Стыдно, ей-богу, стыдно. «Вернусь и непременно устрою новый переплёт», – загадал Александр Гаврилович, раскрывая книгу наугад.

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Негромко прочитал он, почти не заглядывая в текст, и слегка откинулся на спинку дивана, устраиваясь поудобнее...

Донская степь, осоловев от солнца, недавних дождей и вольного ветра, натянула на себя толстенную, дурмящую буйными травяными ароматами зеленую шкуру и отмахивалась бодылками ковыля от назойливых путников, словно от мух. В двух колясках, тащившихся по еле видимой дороге в сторону Новочеркасска, сидели господа офицеры. В одном из них Александр Гаврилович с удивлением узнал себя молодого. Постой, постой-ка, когда же это было? Уже тридцать лет назад? Он в чине подполковника добирался тогда к новому назначению на Дон к своему бывшему командиру по лейб-гвардейскому гусарскому полку, а ныне начальнику штаба Войска Донского милейшему Михаилу Григорьевичу Хомутову. И к нему в попутчики напросился славный приятель по тому же полку поручик Лермонтов. Колючий, невозможный Мишель. Вот он во второй коляске. Ох, чего же стоило ему уломать Александра Гавриловича со своей репутацией игрока и бретёра! В ход пошли и мольбы, и укоры, и даже презент – серебряный портсигар Лермонтова с летящей по полю гончей Александр Гаврилович хранит и поныне. Правда, маисовые пахитоски, что наполняли портсигар, были ими выкурены, чередуясь с трубкой, ещё не доезжая Новочеркасска. Да Бог с ними, с пахитосками...

– Ведь ты обязательно станешь вести себя дурно, Мишель.

– Отчего же, До-Ре-Ми? – Лермонтов залился таким непорочным смехом, что подполковник Александр Реми только развёл руками – обижаться на давнюю дразнилку и вновь доводить дело чуть ли не до дуэли? Право, пустое.

– Мишель, ну что за ребячество!

Они ехали из Москвы вместе уже который день. Частенько Лермонтов перебирался в четырёхместную коляску Реми, и тогда откупоривалась дежурная бутылка красного вина, и вперемешку с тостами слагались новые строки, дурными голосами орались все песни, что только могли прийти на ум двум гусарам. Благо, в их обществе дам не наблюдалось. Возницы

их на барские проделки вздыхали, иногда широко крестились на особо залихватские припевы. Особенно с непривычки маялся молодой кучер Ванька из тархановских крестьян Лермонтова.

– Послушай, До-Ре-Ми, – спросил Мишель как-то, когда они, оставив коляски, взошли на очередной курган. – Давно хотел полюбопытствовать, ты швейцарских кровей? Или, как говаривали в полку, из голландцев? Фамилия больно чудная.

– Я – русский офицер, – Алекс Реми развернул к Лермонтову тонкое большелобое лицо с ухоженными черными гусарскими усиками, но, не заметив в друге всегдашней усмешки, продолжил:

– А род мой французских гугенотов действительно из Швейцарии, куда предки бежали давным-давно от преследований католиков. Если тебя это интересует, то проживали они в кантоне Во на берегах Женевского озера. Живописные места, доложу я тебе. Побывать бы там! А в конце прошлого века отец мой, Жан-Габриэль, перешел из Голландии военным инженером на службу к императрице Екатерине Великой. Был отмечен за Измаил самим Суворовым.

Мишель наполнил бокалы и, протяжно свистнув в степную даль, поднял тост:

– За наших великих предков – Лермонта и Реми!

Александр Гаврилович вздрогнул и приоткрыл глаза. Напротив него нога на ногу сидел господин в клетчатой сюртучной паре. Покачивая ботинком жёлтой кожи, он, не торопясь, протирал пёстрым шёлковым платком стекло моногля. Рядом с ним на диванчике почему-то стоял внушительный саквояж, словно распираемый изнутри. Разве место тут багажу? Бог знает, что с этим первым классом творится, никакого порядку нету.

– Простите великодушно, задремал, – Александр Гаврилович сконфуженно улыбнулся.

Незнакомец поднял монобль, глянул в него на просвет, удовлетворённо хмыкнул и произнёс слегка в нос:

– Вижу, господином Лермонтовым увлекаетесь, ваше превосходительство. Помню-с, как же: белеет парус где-то одинокий... Романтика-с для курсисток. Единственно стоящее накропал сей господин поэт, так это про немытую Россию, страну, соответственно, господ и рабов, да и то побоялся свое имя поставить. Лягнул исподтишка и в кусты-с.

Александр Гаврилович выпрямил спину и застегнул мундир.

– Простите, с кем имею честь?

– Пётр Степанович, путешествую по коммерческой надобности, – попутчик насмешливо сверкнул моноблем на Александра Гавриловича. – И ведь как хорошо про чушку Россию прописал, патриотам косорылым ткнул так ткнул, шотландский барончик.

– Подобной мерзости Мишель... Михаил Юрьевич не писал, не в его правилах. Не выдывал я таких строк ни при жизни Мишеля, ни после гибели его. Думается, от пересмешников нынешних да зубоскалов разбежались эти стихата. Сами и сочинили. Так что увольте от домыслов ваших.

– Ах, ах, люблю отчизну я, но странную любовью! Нет, господин генерал...

– Генерал-майор, – машинально поправил Александр Гаврилович.

– Неважно, скоро все будет совсем неважно. Писал, не писал ваш поэттик. Нынче-с не место чистоплюям дворянчикам. Дуэли, балы, стишки в альбомы, за веру, царя и отечество – все прах. Ушёл их поезд, – и довольный удачным сравнением Петр Степанович мелко затрясся от смеха.

– Вы нигилист? – зачем-то шёпотом, спросил Александр Гаврилович.

– Что вы, я и нигилизм отрицаю. Детская возня. Просвещённый человек, гражданин мира. И, заметьте, в трудах и заботах мир сей воздвигаю.

– Коммерческой надобностью?

– И ею тоже, ваше превосходительство, не без этого. Тут все средства хороши, чего уж там.

Разговор иссяк. «Гражданин мира», насвистывая, демонстративно отгородился газетными листами «The Manchester Guardian» и углубился в чтение. За окнами замелькали строения, поезд стал сбавлять ход, и Александр Гаврилович поднялся пройтись в станционный буфет. Но по возвращении попутчика он не обнаружил, хотя его багаж продолжал вызывающе стоять. Лежала рядом и брошенная газета. Петр Степанович не появился, и когда станция осталась далеко позади.

– Голубчик, – наконец обратился Александр Гаврилович к кондуктору. – Сдаётся мне, что господин коммерсант в клетчатой паре, что соседствовал со мной, отстал от поезда. Потрудитесь телеграфировать на следующей станции.

Он вновь устроился у окна, положив ладонь на нераскрытый томик Лермонтова. Настроение почему-то было испорчено. Нет, не мог Мишель писать такие злые никчёмные слова о России. Не мог!

– Ваше превосходительство, позвольте, я от греха подальше багаж приберу? – кондуктор взялся за ручки и попробовал поднять саквояж клетчатого господина...

Александр Гаврилович удивлённо огляделся. Поезд стоял среди степи, все двери и окна его были распахнуты, и ветер продувал пустые вагоны насквозь. Напротив, утопая колёсами в ходящем волнами ковыле, стояла коляска, с которой невысокий офицер в распахнутой шинели с отогнутым воротником, размахивая фуражкой, весело кричал:

– Алекс! До-Ре-Ми! Друг мой! Ну что же ты медлишь?

Мишель (а это был, конечно же, он, его дорогой Мишель) распахнул объятия: – *A moi la vie, a' moi la vie, a' moi la liberte!*¹ Пой, Алекс, если не забыл, пой во все своё гусарское горло! И скорее же сюда, в коляску, нас ждёт дорога!

Генерал-майор в отставке Александр Гаврилович Реми погиб в железнодорожной катастрофе, которая случилась в 1871 году невдалеке от Новочеркасска, где и был похоронен около церкви Рождества Богородицы при архиерейском доме. Что послужило причиной трагедии – рукотворный ли взрыв или многочисленные нарушения подрядчиком Самуилом Соломоновичем Поляковым при строительстве железной дороги, – полицией достоверно не установлено.

¹ *A moi la vie, a' moi la vie, a' moi la liberte!* – Да здравствует жизнь, да здравствует жизнь, да здравствует свобода! (франц)

Греческая улица

ул. Первая продольная
ул. Купеческая
ул. Петербургская
ул. III Интернационала

Улица в центральной исторической части Таганрога. Расположена между Комсомольским бульваром (от которого ведётся нумерация) и Мало-Садовым переулком, упираясь в стену городского парка. Общая протяжённость Греческой улицы – 2165 м.

Хотя присутствие греков на территории Таганрога и Миусского полуострова, а также Нижнего Подонья можно проследить еще с VII – нач. VI вв. до н.э., массовое переселение греческих колонистов в Приазовье произошло в конце XVIII века. Дабы оградить отвоёванное побережье Азовского и Чёрного морей от набегов турок, а также спасти греков, борющихся с Портой за свою независимость под русским флагом, Екатерина II в 1775 году издала рескрипт, согласно которому греки получали право на переселение на территорию Российской империи. Для переезда им выделялась денежная ссуда, а доставляли их к новым берегам русские корабли. При этом российская казна брала на себя все расходы и по возведению «храмов Божьих и всего домостроительства...» при крепостях Керчи и Ени-Кале, и по берегу Азовского моря в Таганроге, а также «содержание крепости в надёжном для жителей состоянии». Новые подданные империи на 30 лет освобождались от всех сборов и рекрутского набора, а по истечении срока должны были платить подати в казну в расчёте из числа фамилий, а не душ, как остальное население.

Греческое купечество наделялось всеми правами российских коллег. Им в помощь было велено: «Для наблюдения внутреннего благочиния и всякого звания торговых дел учредить магистрат из греческого купечества способом избрания в оный судей чрез всякие три года...»

Еще в новых греческих поселениях устраивались военные училища «для воспитания юношества и приготовления оною к службе» и строились казённые госпитали и аптеки для «сохранения здоровья, как военнотружущих, так и всех тамошних поселян...». Так что не удивительно, что переселяться стали не только греки и албанцы, служившие в русском флоте, но и жители Мореи, Македонии, Архипелага и прочих отдалённых мест.

Землю им щедро отвели по всему берегу Азовского моря, но главным образом в Таганроге и близ него. Деждерас, комендант города, вновь прибывшим под жительство выделял место на восточном берегу мыса. Так возникли Греческая и Мало-Греческая улицы.

В 1781 году для управления греческими негоциантами учреждается Греческое купеческое управление с председателем И. М. Розсети, а через три года, 20 июля 1784 года Купеческое управление преобразовывается в Греческий магистрат. В это же время в 1782 году в Таганроге для новых горожан строится, пока деревянная, греческая церковь Святого Константина и Елены (на ее месте сейчас жилой дом по адресу: Греческая, 54).

Военные греки, в отличие от торговых, оставшихся в самом городе, селятся по реке Миус близ Павловской крепости. Из них, по указанию князя Потемкина, составляются две роты, преобразованные впоследствии в греческий батальон. Его первым командиром стал Антон Дмитриев (Дмитриади), а капитаном – Дмитрий Алфераки. Это место и ныне носит историческое название Греческие роты.

Дворяне – Алфераки, Холяра, Аслан, Караяни, Геродоматос, Палама, Стаса и др., создают поместья от Миусского лимана по берегу моря за реку Самбек до реки Каменки. При Александре Первом в 1819 году Правительственный Сенат издает указ на имя таганрогского

градоначальника, по которому уже имеющаяся в распоряжении греков земля признается их полной собственностью, со всеми правами и тяготами.

Постепенно, как писал таганрогский историк П. П. Филевский, «в Таганрог переселились преимущественно военные и более зажиточные, которые могли рассчитывать на торговые занятия... Т.о., контингент греческого населения в Таганроге был, так сказать, более аристократичен сравнительно с другими греческими поселениями России».

В 1806 году, по сведениям греческого магистрата, в Таганроге с населением в 7 тысяч жителей проживали 1428 купцов, 191 мещанин, 234 дворянина и 345 разночинцев греческого происхождения. Очень скоро греческие коммерсанты крепко взяли в свои руки многомиллионные экспортно-импортные операции, особенно по торговле хлебом.

Фамилии Алфераки, Бенардаки, Емес, Ласкараки, Муссури, Рази, Ралли, Родоканаки, Скараманга и другие звучат, не только в городе и России, но и во многих странах Европы, где открывались филиалы таганрогских торговых домов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.